

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВОЙНЫ ВЕТРА

Дмитрий Валентинович Янковский

Войны ветра

Предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169556
Янковский Д. Войны Ветра: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-30501-8

Аннотация

Несправедливо осужденный трибуналом Воин Ветра, офицер воздушного флота Российской империи Егор Сморода поставлен перед выбором: сгнить на каторге или присоединиться к членам загадочного Института прикладной Экзофизики, которые при помощи невероятного оружия очищают город от вампиров, демонов, оборотней и другой агрессивной нежити. Однако после того как Сморода вступает в подпольную организацию «охотников за привидениями», выясняется, что ставки в этой игре гораздо более высокие, чем ему казалось вначале. Впрочем, беглому каторжнику уже нечего терять.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Глава 3	54
Глава 4	84
Глава 5	107
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Дмитрий Янковский

Воины Ветра

*Стану я диким горцем,
По небу рукою шарить.
У меня под крылом солнце,
Пусть оно меня жарит.*

М. Башаков

Глава 1

Похищение

Когда в Питер приходят белые ночи, они заново разжигают во мне пламя жизни. Точнее, это ощущение впервые возникает в мае, когда закатные облака приобретают удивительный оттенок разогретого янтаря. Всю зиму я не живу, а кое-как перебиваюсь от утра к вечеру, страдаю, несмотря на недюжинную физическую подготовку, затяжными бронхитами и чисто питерской паранойей, возникающей от нехватки солнечного света. Наверное, как и большинство жителей этого странного города. К тому же, тем, кто тут рожден, возможно, легче, чем мне, приезжему. Но приказы командования не обсуждаются, особенно, когда речь идет о должностном повышении молодого, подающего надежды офицера. Кого вол-

нует, что любой москвич будет чувствовать себя в Питере не очень комфортно? Мне говорили, что на акклиматизацию уйдет года два, да только пошел уже третий, а я, как ждал белых ночей, так и жду.

Поначалу я, грешен, спасался искусственным ультрафиолетом, но потом понял, что всерьез таким образом не избавиться ни от питерской паранойи, ни от зимней депрессии. К тому же посетительницы салонов красоты во время моих визитов взирали на меня с некоторым недоумением. Их наверняка удивляло, зачем здоровенному мужику с обожженной мордой прихорашиваться? Уж понятно, от солария я краше точно не стал бы. Ну да и пусть. Потом я нашел новый метод – ударные дозы аскорбиновой кислоты. Выручало, но не спасало. Хотя все это больше в плане неприятных воспоминаний – календарное лето уже на носу, а с ним и конец депрессии. Так что настроение в этот вечер было у меня предельно хорошее, впору думать не о витаминах, а о бутылочке чего-нибудь слабоалкогольного для укрепления состояния.

Но даже коктейли категории «Г» я терпеть не мог употреблять в одиночестве. Не из боязни опуститься, а из глубоко внедренных воспитанием принципов. Потому, выбив из торгового автомата кассету «Турбо-Каскада», я направился к офицерскому общежитию на Петроградке в надежде найти желающих приобщиться к внедрению алкоголя в кровь. Вечерело. Точнее, было без малого двадцать три часа, но сумерки лишь начинались, причем именно летние питер-

ские сумерки, а они, надо признать, не без придури. Они то ли активизируют в организме выработку каких-то гормонов, то ли, наоборот, снижают фон чего-то там биохимического, в связи с чем мозги начинают функционировать странновато. Это еще мягко говоря. Если же прибегнуть к определению винд-штурмана Васи Хомяченко, то народ начинает глючить по-черному, а кого и по-разноцветному, причем каждого доброго горожанина на свой лад. Я вот, к примеру, на Елагином острове почти по-трезвому видел бегающее дерево. Ну не то чтобы долго, а так, пару мгновений – сыграла тень со светом, наложилась на возбужденную подступающим летом биохимию мозга, и на тебе. Честно говоря, у меня тогда сердце немного екнуло, несмотря на кое-какой боевой опыт. Если же говорить о галлюцинациях попроще, например о слуховых, то от них летом просто деваться некуда. Бывает, топаешь ночью по тротуару где-нибудь на Васильевском, и создается полное ощущение, что за спиной у тебя кто-то шпарит в том же направлении и с той же примерно скоростью. Оборачиваешься – никого. Неприятное, надо сказать, ощущение. А вот если залить в организм парочку картриджей того же «Турбо-Каскада» или «Авангарда», к примеру, все это переживается не в пример легче. Вот и выходит, что в Питере человеческий организм, независимо от сезона, работает исключительно с химическими присадками, как маневровая турбина какого-нибудь винд-крейсера на хорошем форсаже. Только, если в мотор летом надо при-

саживать загуститель, а зимой разбавитель, то моя конструкция требует зимой витаминов, а летом горячительного. При чем обе присадки в интенсивных дозах.

Послушать меня, кто-нибудь подумает, что у парня проблемы со здоровьем. Или, как минимум, с головой. Но наш отрядный медмастер Кирилл Филиппенко был кардинально обратного мнения и ставил меня в пример другим офицерам касательно общефизической подготовки, а также в плане соблюдения оптимальных для здоровья режимов. Знал бы он, какие это режимы, так не распалялся бы, наверное. Хотя трудно сказать. Сам имея некоторое покраснение носа от безответной любви к медицинскому спирту, он наверняка воспринял бы мою систему, как минимум, с пониманием, если не с одобрением. Но предавать ее широкой огласке я все равно не собирался, поскольку военное начальство могло не разделить филиппенковского, чисто медицинского оптимизма.

Остановившись на углу офицерского общежития, я достал оранжевый жетон пятнадцатирублевки, взятый на сдачу из автомата с «Турбо-Каскадом», и подбросил его на предмет принятия оптимального решения – направиться в первый корпус или же во второй. Пока жетон вертелся в остывающем воздухе, я успел загадать – если выпадет «фича», иду в первый, к Юрке Бабслею, если «бэк», значит, во второй, к Гаррику Орландине. Жетон шлепнулся на ладонь, причем выпала «фича», и я успел усмехнуться, подумав, что весь

вечер придется внимать рассказам Бабслея о его любовных приключениях, но в следующий миг мне по башке прилетело чем-то тяжелым и твердым, сняв с копыт не хуже бутылки «Синьки». Я, понятная песня, шарахнулся лицом о карбон мостовой, да так, что повторно посыпались искры из глаз. Последним мелькнул в сознании факт расстройства из-за испорченного вечера.

Очнулся в темноте. Где – лучше не думать. Башка трещит, хоть стальными хомутами обтягивай. Тошнит. Сильно. Пошарил по карманам – хрен там по колено, а не пластиковое разноцветье остатков денежного довольствия за минувший месяц. Пойло тоже сперли, уроды. Старый леер-трос бы им в задницу за такое преступление против личности и, более того, против человечности... Нет, ну обидно, честное слово! Вырубили, как пацана! И ведь не охранника из сети аптек «Гулькин нос», а офицера винд-трупера обобрали, здоровье наверняка подпортили, временно лишив трудоспособности. Мне лишнее сотрясение мозга совсем ни к чему, оно у меня, турбиной их разнеси, третье. Не хватало только из-за уродов-гопников списаться на сушу! Я бы, случись такое, точно открыл на них бы сезон большой охоты. Я бы их тогда не на землю, а прямиком под землю посписывал, причем, по возможности, с особой жестокостью. Но, окажись тут медмастер Филиппенко, он бы наверняка рекомендовал мне в нынешнем состоянии воздержаться от лишних эмоций, чтобы не усугублять последствия сотрясения. Я этому не данному со-

вету последовал, взял себя в руки и решил тихонечко выбираться в более цивилизованные районы города. В принципе, взять у друзей в долг до выдачи очередного довольствия особой проблемы не составляло, благо не все были столь расточительными, как я. Наверное, у них организмы работали круглый год без присадок, иначе не объяснить феномен оставшихся до получки денег. Обиднее было получить по балде без попытки оборонительных и контрнаступательных действий. Друзья в общаге засмеют, если узнают – спецназовца отоварили гопники! Лучше не говорить никому. Лучше уж сделать вид, что поскользнулся спьяну на прилипшем к карбону собачьем дерьме и впечатался чавкой в осветительную опору.

Темнота оставалась темнотой, тишина тишиной. Ничего не менялось в окружающем пространстве. И это было скорее хорошо, нежели плохо, поскольку давало время осмотреться и принять запоздалые тактические решения. Встав на четвереньки, я сделал попытку поползти хоть в каком-то направлении. Несмотря на неважное состояние, это удалось без всякого труда. Но не очень далеко – я сразу уперся в стену. Пришлось обследовать окружающее пространство в поисках выхода. Вообще-то у меня не было ни малейших сомнений в том, что выход, точнее, открытая дверь, найдется в одной из четырех стен. Потому что я мог подумать о чем угодно – об избиении, об ограблении, но у меня не возникало и намека на мысль о пленении. Одно дело шарахнуть офицера винд-

флота тяжелым предметом и обнести его карманы, другое – захватить его с какой-то целью. Это уже преступление такого порядка, что преступник может запросто головы не сносить. Это уже терроризм, это похищение, да еще не какого-нибудь слесаря-оптронщика, а человека, имеющего государственную защиту категории «Е». Короче, я и подумать не мог о пленении, пока не наткнулся на стальную дверь. Наглухо запертую.

Вот тут я струхнул. Тут я, братцы, понял, что нападение могло быть и не случайным. Тут враз вспомнились байки, которыми винд-драйвер Салогуб кормил нас после отбоя. Мы тогда их воспринимали как нечто отдаленно-абстрактное, к нам, в большом городе, не имеющее отношения. Например, рассказы о городских партизанах. Это знаете, в каком-нибудь Екатеринбурге полицейские наряды отлавливали их по подвалам, как бомжей. А на юге они порой чинили настоящий беспредел с резней и погромами. Но в Питере! Мысли не было. До сегодняшнего вечера. Подумать немного, так понятно, что грабителям никакого резону нет запирасть кого бы то ни было. Если поймают с краденым, то год-два на болотах и свободен, а так могут незатейливо и в расход пустить. Ведь когда подлецы уходили с добром, уже прекрасно знали, кого потрянули. Раз уж обчистили карманы, должны были найти офицерскую «бирку». И нашли, нашли, никаких нет в этом сомнений, поскольку при себе я «бирки» не отыскал.

Вообще, при достаточно развитом инстинкте самосохра-

нения, грабителям, обнаружившим «бирку», надо было все вернуть, откуда взяли, и смыться на полном форсаже не только из района, но и из города. А раз сделано этого не было, то оставалось только два варианта – либо я оказался жертвой выпускников психбольницы, прошедших комиссию по выписке экстерном, либо меня повязали городские партизаны, существование которых в северной столице не без оснований ставилось под сомнение всеми полицейскими чинами. И если первый вариант представлялся мне скорее комичным, несмотря на приличную шишку на темечке, то второй, даже при гипотетическом рассмотрении, заставлял собраться и запустить мозги на полные обороты.

В принципе, партизаны в Питере найтись могли. Конечно, нелегально проникнуть в город мешала не только городская стена, но и пограничные патрули по периметру, и полицейские проверки. Не говоря уже о бдительности самих добрых горожан, которая в Питере, по сравнению с Москвой, казалась мне поразительной. Будь ты сто раз легальным гражданином, но если у тебя смуглая кожа, то беспрепятственно перемещаться по городу будет сложно. Точнее, утомительно. Поэтому уже лет двадцать выходцы из арабского мира сторонились больших городов, даже при возможности осесть в них легально.

Однако партизаны в Питере быть могли. Как минимум, теоретически. Не в том плане, что отряд варваров в одну из промозглых зимних ночей проник в город, за стену. Это, ско-

рее всего, незамеченным не осталось бы. А в том, что отряд мог сформироваться из легальных граждан арабского происхождения. Во всемирной Сети бродит достаточно информационной заразы, способной свинтить мозги многим, у кого не хватает плоти на члене – начиная от древних манифестов ваххабитского толка и заканчивая новомодным веянием последователей стратегии «зеленого шума». Такую нагрузку на уши и на глаза мог выдержать человек взрослый, сформировавшийся, обремененный какой-то ответственностью, но у таких людей есть дети, на которых, в первую очередь, и рассчитывают авторы варварской пропаганды. Молодая зеленая поросль – пятая колонна, легальные дети легальных родителей. И хотя уже больше двадцати лет в пределах городских стен запрещены любые не смешанные браки варваров, но зачастую и половины арабской крови в жилах достаточно для осознания себя правоверным.

Все эти выводы не прибавили мне оптимизма. Более того – я скис. У меня не было ни малейших иллюзий по поводу собственной участи, окажись мои догадки верны. Быть «языком» в руках врага – участь короткая, бесславная и унижительная. Можно было, конечно, помечтать о героизме, но это пустое – не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы понимать, что примитивными варварскими средствами силового допроса можно любому развязать язык. А винд-трупер Имперского флота, коим я по праву именуюсь, является фигурой достаточно информированной, чтобы оказаться лако-

мым куском для городских партизан, буде таковые отыщутся. Полученную от меня информацию, после моей мученической смерти, можно будет выгодно продать своим же братьям-мусульманам, или, если хватит ума, использовать самостоятельно. Только мне это уже будет без разницы.

Предотвратить подобное развитие событий можно было только одним способом – без затей сделать ноги. Никто за подобный маневр в трусости не упрекнул бы, а высшее начальство, за усилия по сохранению секретности, еще и медальку какую вручило бы. Да вот беда – не умел я просачиваться через запертые стальные двери.

Еще раз, уже с большей тщательностью, проведя ревизию не только карманов, но и всей одежды целиком, я понял, что при мне не оставили ничего, что могло бы стать оружием или инструментом. Насчет оружия беспокойств у меня не было, я сам мог стать не слабым оружием, а вот отсутствие инструмента, с помощью которого можно было бы добиться успеха в открывании двери, встревожило не на шутку. Тут уж сколько ни размышляй, придумать ничего не получится. В подобных случаях, а именно при попадании в безвыходную ситуацию, все инструкции предписывали не тратить силы, а сидеть и ждать, когда переменится ход событий. В этом был резон, я по личному опыту знал, что все трудно решаемые ситуации чаще всего сами собой меняются со временем – на сцену выходят новые лица, меняется время, а иногда и место действия. В таком виде сама ситуация меняется на другую,

нередко переставая быть безвыходной без всяких усилий со стороны попавшего в нее.

На самом деле, если перейти от теории к практике, мне следовало ждать, когда дверь откроют хозяева положения. Когда-нибудь это непременно должно произойти, потому что просто заморить офицера винд-флота голодом, не выведав никаких секретов – форменный идиотизм. Однако само по себе отпирание замка не гарантировало мне освобождения, поскольку неизвестно, кто и каким числом вломится в распахнутую дверь. Судя по тому, что офицера-спецназовца не потрудились даже связать, преступники чувствовали себя достаточно бодро. На пустом месте такая самоуверенность зиждиться не могла, ее наличие говорило не только и не столько о численности банды, сколько о характере ее огневой мощи. Потому что и впятером без плазмоганов идти на винд-трупера – храбрость, граничащая с безумием. Мусульманам же храбрость была вообще не очень-то свойственна – поединком они называли стычку, когда их десяток против одного европейца.

Исходя из всего этого, я мог смело готовиться к визиту более чем пятерых противников при поддержке такого же количества малокалиберных ручных плазмоганов. Радость сомнительная. Но как-то вытягивать задницу из возникшей западни все равно необходимо – я хоть и готов умереть в любую секунду, как положено воину, но не спешил приблизить этот момент.

Содержимое карманов, точнее, полное отсутствие в них хоть чего-нибудь, меня не обнадежило, поэтому следовало переходить к изучению возможностей самого помещения. Осмотр в темноте – дело бессмысленное, так что всю информацию пришлось получать посредством осязания и обоняния. Слух нес исключительно сторожевую функцию, на осязание же легла функция информативная. Стены, на ощупь из многокомпонентного строительного композита, не имели и следов штукатурки – проведя по одной из них ладонью, я ощутил шершавую, очень сырую поверхность. Значит, подвал, раз так мокро. Пол, наоборот, оказался по большей части сухим и пыльным, лишь у стыка со стенами труха скаталась от влаги. Слой пыли был настолько толстым, что ее можно зачерпывать горстями. Уже неплохо – в ближнем бою это подходящее средство для ослепления противника.

Подумав о глазах, я взялся искать лампы. Меня держали в темноте, подобный подход вполне логичен, но, скорее всего, для себя противник приготовил более комфортный режим освещения. Я ожидал найти стандартные химические гирлянды, которые давно уже стали привычным источником света для большинства помещений. Их можно было с успехом использовать в качестве оружия, если разомкнуть подводящие нити без активации. Газ выделяющийся при этом в окружающее пространство настолько едок, что с успехом заменяет боевую слезогонку. Но химических светильников я не нашел. Вместо них на невысоком, чуть больше моего

роста, потолке обнаружили электрические газообменные лампы, почти как на боевых кораблях. От них по стенам к технологическим отверстиям бежали высоковольтные кабели. Ладно, на худой конец сойдут и они.

Я осторожно снял кабель-трассу, отломил цанговые цоколи ламп и обнажил провода. Теперь, если противник приведет в действие выключатель, то вместо вспыхнувших ламп, которые выбили бы мое неадаптированное после темноты зрение, у меня в руках окажутся две длинных электрических плети. Не ахти как круто против плазмоганов, но все же не голой задницей ежей давить. А включить электричество мои похитители просто обязаны, не поверю я, что хоть одна живая душа решится драться с российским винд-трупером в темноте. Пусть и при наличии оружия у нападающей стороны.

Чтобы обеспечить себе дополнительный шанс на выживание, я решил еще немного поиграть с электричеством. Двумя плетями драться все равно неудобно, того и гляди сам себя током стукнешь, так что от лишнего провода в руке я решил избавиться с пользой для дела. Похитители ведь не бесплотные призраки, через стены просачиваться вряд ли умеют, значит, пойдут через дверь. А я постараюсь приготовить им прием погорячее.

Не откладывая задумку в долгий ящик, я собрался примотать оголенный конец провода к перилам короткой металлической лесенки, ведущей от двери к месту моего заклю-

чения, но понял, что это не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Дело в том, что жил в проводе было две, а из уроков электротехники винд-кораблей я помнил, что провода эти неравноценны. Один является источником переменного тока и называется «фаза», другой почти полностью заземлен, и его называют «нулем». Примотай я к перилам «ноль», боевая эффективность такого подключения тоже бы равнялась нулю, поскольку разницы потенциалов между проводом и землей не будет почти никакой. Кидать на противника надо «фазу», тогда шарахнет как следует. Но как определить где ноль, а где фаза, если разомкнут рубильник? Тока нет, фазу искрой не проверишь.

Я призадумался. Честно говоря, докой в электротехнике я не был, у меня, в отличие от корабельных стрим-мастеров, специализация была совершенно в другой области. Пришлось как следует напрячь память, чтобы припомнить, что вещала нам в кадетском корпусе Красотка Кира, преподававшая там основы электротехники. Будь на ее месте суровый педагог-мастер мужского пола, я бы, честное слово, запомнил больше. А так мы всем курсом пялились на структурные элементы ее тела, какие можно было различить под мундиром. Различить можно было не так уж много – не очень большая грудь и довольно узкие бедра, но остальное дополняла наша фантазия, на работу которой уходила почти вся энергия двух академчасов целой роты.

В общем, в памяти если что и осталось, то все эти остатки

были жестко модулированы эротическими переживаниями. Следовательно, для дешифровки данных следовало в первую очередь вызвать те самые фантазии, а с ними могли вспомниться и слова педагог-мастера Киры Канаа, которые она произносила, пока мы на нее пялились. Наверное, для службы в ее должности требовалась изрядная доля эксгибиционизма, без этого ежедневно работать с кадетами женщине было бы трудно. И у нее эта изрядная доля определенно имелась, она от наших взглядов получала явное удовольствие, а зачастую сама же нас провоцировала. Кира была намного старше нас всех – нам по двадцать, а ей почти сорок, но эта разница в возрасте не являлась препятствием для установления некоего визуально-эротического контакта между нами и ею. Других женщин в кадетском корпусе все равно не было, даже на камбузе. При этом каждому из нас хоть раз приходила в голову недоуменная мысль, мол, почему начальство не пыталось заменить ее мужчиной. Ответ был получен мною от кадетского медик-мастера.

– Думаете это случайно? – усмехнулся он, продавая мне склянку медицинского спирта за несколько дней до выпуска. – Нет, ребята. В каждом кадетском корпусе есть такая базага, призванная доводить вас до того накала, который помог бы вам потом сбрасывать сексуальное напряжение в одиночестве.

Думаю, он не шутил. Как бы там ни было, но вспомнив, как мы пялились на ее сиськи, я действительно выудил из

памяти кое-что электротехническое. Например, то, что полным нулем нулевой провод на практике никогда не бывает. Собственное сопротивление не позволяет ему полностью сбрасывать всю нагрузку с включенных в эту сеть электроприборов, поэтому между ним и истинной землей всегда существует небольшая разница потенциалов – вольт десять. А десять вольт можно запросто проверять на язык, если напряжение есть, щипнет как следует. Выключатель размыкает только один провод, скорее всего, фазу, это безопаснее для монтеров, потому они так и делают. Значит, оба провода надо проверить на язык – тот что щипнет будет нулевым, а другой, соответственно, фазовым.

Но, честно говоря, сам вид силового провода не внушал ни малейшего желания прикоснуться к нему языком. Вроде все рассчитал, все понятно, но цифра напряжения в триста вольт сама по себе пугала в достаточной мере. Однако выхода другого не было – не имея иного оружия, я должен был заручиться поддержкой хотя бы электрического тока. Я уже собрался с силами и высунул язык, когда мне в голову пришла альтернативная мысль. Чтобы убедиться в отсутствии на любом из проводов высокого напряжения, можно было коснуться кабелем перил металлической лестнки. От трехсот вольт, в таком случае, неизбежно ударит искра. Если ударит, то другой провод будет «нулем», а если не ударит, то «ноль» можно отыскать «на язык». Довольный возможностью хоть временно воздержаться от «языкового теста», я

шлепнул концом провода по стали и чуть не ослеп от шарahnувшего в темноте дугового пламени. Еще несколько секунд после этого у меня перед глазами плыли огненные круги, а сетчатка хранила изображение окружающего пространства. И пульсировала мысль: «Вот бы коснулся язычком».

Попытка проанализировать произошедшее привела к двум возможным выводам. Либо монтеры нетрадиционно сориентировали фазу с нулем, соединив провода так, что выключателем размыкался ноль, а не фаза, либо только что кто-то снаружи включил рубильник. Второе предположение показалось мне более вероятным, поскольку иначе меня бы шарahnуло током, когда я разбираю цоколь лампы. А раз так, значит, времени на подготовку к встрече мне отпущено с десятков секунд, не больше. Тут уж было не до страха перед электричеством. Сунув искрящийся фазовый провод в щель сварного шва лесенки, я рухнул на корточки и затаился возле ступеней, зажав в руке второй силовой кабель. Тут же за дверью послышались шаркающие шаги и голоса на арабском. Я напрягся, готовый дорого продать свою жизнь. А хоть за сколько-то продавать ее было просто необходимо, поскольку смерть от попадания плазменного заряда во всех отношениях лучше пыток на допросе с пристрастием.

Щелкнул замок, дверь распахнулась, впусшив в помещение тугой поток электрического света. Я ожидал, что первый визитер наступит на лестницу, но он в запале с разбегу перепрыгнул все ступеньки и приземлился на пол, подняв в

воздух клубы пыли, скрывшие его по пояс. Эта пелена меня выручила – пока партизан размахивал плазмоганом, не зная, куда целиться, я перекатился, невидимый для него, и нанес удар силовым проводом по бедру. Араб тут же рухнул, а я, для верности, добавил ему фазой по шее. Он затих, только ступня продолжала ритмично подергиваться в конвульсиях перед моим лицом. Пора было завладеть его оружием, но попытавшись рвануть плазмоган из пальцев, я понял, что их так скрючило судорогой, что не разогнуть.

В это время второй араб шагнул на лесенку, к которой было подведено напряжение в триста вольт. Он тут же скорчился и покатился по ступеням, высекая из них электрические искры. Рухнул партизан прямо у моих ног, продолжая содрогаться в конвульсиях, но я не стал ждать, когда он окончательно успокоится, – в правой руке мусульманина был зажат скорострельный малокалиберный плазмоган, а от такой добычи в моей ситуации отказываться было до крайности вредно для здоровья. Выхватив из подрагивающей руки оружие, я, как на тренировке по тактике, перекатился в самый темный угол, в движении пальнув короткой очередью через дверной проем наружу, где маячили еще несколько фигур. Раздались вскрики, пара особо горячих голов снова рванулась на лестницу, но их ждала та же участь, что и первых двух – пораженные током, они скатились на пол. Свет из дверного проема протискивался в пыльное помещение трепещущим белым блоком, как нечто совершенно материальное, обо что

можно удариться в темноте. Остальные партизаны, видимо, поняли принцип моей ловушки, а потому решили не рваться в подвал, а подумать, как сделать это безопасным для себя. Но делать что-то без стрельбы арабские террористы почти не умеют, потому свои размышления они густо приправляли выстрелами через дверной проем.

Остаться на месте в моей ситуации было опасно – помещение почти полностью простреливалось снаружи. К тому же у нападающих вполне могли оказаться термические гранаты, хотя можно было надеяться, что ребята попытаются обезвредить меня живым, а значит, пустят в ход гранаты в последнюю очередь. Оставалось двигаться, чтобы не быть слишком легкой мишенью. Размышляя об этом, а на размышления ушло не больше пары секунд, я заодно прикинул возможную численность противника. По опыту было известно, что меньше, чем впятером, мусульмане на русских и католиков не нападали, это при наличии у нападавших оружия. Если же оружия не было, то счет начинался с десятка. В данном случае партизаны выступали при поддержке карманной плазменной артиллерии, но и противником у них был винд-трупер российского флота, что должно было сподвигнуть их на увеличение численности отряда. Получалось, что арабов должно быть не меньше десятка, но и больше пятнадцати им самим, наверное, пригнать было бы стыдно. Хотя слово «стыд» в отношении городских партизан было нонсенсом, все помнили события пятилетней давности под Росто-

вом, когда сотенный отряд арабов захватил родильный дом Святой Марии и шнурками от штурмовых ботинок успел передушить до подхода винд-крейсеров всех рожениц вместе с младенцами.

Это воспоминание придало мне решимости, и я рванул вперед, прикрывшись пущенной в дверь плазменной очередью. Как раз в этот момент в проеме возникли два силуэта и вспышка плазменного выстрела. Целились, понятное дело, мне по ногам, ведь даже арабский партизан способен смекнуть, что безногого допрашивать проще, чем безголового. Но от подобной атаки, характерной для ряда ситуаций, нас научили ловко уходить на занятиях по тактике огневых контактов. Я кувыркнулся влево через плечо, продолжая держать мусульман на прицеле и прижимать спусковую пластину. Недаром приходилось потеть на уроках – оба партизана, приняв на грудь по несколько капель разогнанной плазмы, отлетели далеко от двери, оставив в воздухе клубы дыма и запах горелой плоти. Попадание заряда такого калибра не бывает смертельным, если не влупить прямо в голову, поскольку капля плазмы не проникает глубоко в тело. Она лишь перегревает воду в поверхностном слое тканей, на глубине полутора сантиметров, не больше, моментально превращая ее в пар под высоким давлением. Происходит подкожный взрыв, оставляющий в теле неглубокую рану диаметром с двадцатирублевый жетон. Плюс ожог, понятное дело. В результате мощный удар и шок, выводящий противни-

ка из строя гарантированно и надолго. О потере крови при таком ранении можно не беспокоиться – плазма прижигает все порванные сосуды, оставляя рану обугленной, но сухой и стерильной. Именно поэтому партизаны вооружились против меня малокалиберными пушками – хотели взять живым.

На самом деле в их планы, я думаю, не входило столько возни, сколько вышло. Ребята собирались зажечь свет, а потом, под прицелом десятка стволов, замкнуть мне руки в молекулярки и отвести в помещение, переделанное за время моего «отдыха», в комнату для допроса. Видно, им не приходилось еще иметь дело с российским спецназом. Я слышал только о похищении партизанами в Европе функционера иезуитского ордена. Тоже спецназ не последний на планете, у них подготовка сравнима с нашей, хоть и без присущей винд-флоту специфики. Но все же к подготовке должен прилагаться соответствующий боевой дух, так мне кажется. И хотя у иезуитов боевого духа тоже хватало, но у русского спецназа попросту больше опыта столкновений с мусульманами, чем у европейских коллег. Такой протяженности границ с варварами, как у нас, нет ни в одной стране мира. И у нас на них накоплена особая злость – все же иезуитам еще ни разу не приходилось выносить из своих роддомов задушенных рожениц и младенцев десятками, а нам приходилось. В том числе и мне лично. Так что я внутренне был готов спустить с любого партизана шкуру живьем.

Однако, пока я еще находился в таком положении, что

шкуру запросто могли стянуть с меня самого. Надо было что-то кардинально менять. И тут меня осенило. Я так спешил выхватить у первого же поверженного мусульманина плазмоган, что не удосужился обыскать тело получше. А ведь если термические гранаты могли оказаться у тех, кто пребывал в раздумьях снаружи, то они могли найтись и у тех, кто навек упокоился внутри. Подстегнутый этой идеей, я, сильно пригнувшись, ринулся к лесенке. Пыль все еще стояла столбом. С одной стороны, это помогало мне двигаться почти невидимым для противника, с другой – и мне снижало обзор, так что я с разбегу налетел на тело, споткнулся и растянулся, едва не коснувшись лбом ступеньки под напряжением. Вот это был бы номер. Собаки бездомные на окраине полопались бы от хохота. А на моей могиле начертали бы надпись: «Не рой другому яму». Но раз Господь Вседержитель отвел меня от столь позорной участи, значит, дело мое правое.

Отдышавшись пару секунд, я ощупал поверженного, и у меня сердце забилось чаще, когда пальцы наткнулись на гладкие сферы термических детонаторов. Их было три штуки. А раз так, то рядом, с оставшихся трех жмуриков, можно снять еще девять. Что я и проделал с великим воодушевлением.

Прикинув расстояние и траекторию полета гранаты внутрь дверного проема, я сорвал чеку и запустил снаряд в цель. Там с глухим хлопком шарахнуло фиолетовое пламя перегретой плазмы, и вместе с пылью ноздрей коснулся рез-

кий запах озона. Я сорвал фазовый провод с лестницы, чтобы открыть себе путь, оперся на нее ногой и швырнул в проем вторую гранату, на случай, если кому удалось укрыться от первого взрыва. Снова ширкнуло слепящее пламя, а в лицо пахнуло жаром, будто от углей в камине. Запах озона сделался раздражающим, почти нестерпимым.

В два прыжка преодолев лестницу, я вскинул плазмоган и, оказавшись в дверном проеме, выпустил короткую очередь, чтобы для страховки прикрыться огнем. Но это уже было лишним – в тридцатиметровом коридоре с шершавыми стенами из композита не осталось ничего, кроме десятка обугленных, еще дымящихся тел. Два ярко-белых пятна цинковых окислов на полу отмечали эпицентры взрыва гранат. Но осторожность терять не стоило – в боковых стенах тоже имелись двери, а какие опасности притаились за ними, известно только Богу.

Осторожно, короткими тактическими шагами, ставя ступню за ступню, держа плазмоган на уровне глаз, я наискось пересек коридор и шарахнул в ближайшую стальную дверь подошвой ботинка. Она не поддалась. Возможно, за ней ничего и не было, но одно из главных боевых правил винд-трупера – не оставлять живых противников за спиной. Отшагнув, я прищурился и полоснул плазмой по тому месту, где за металлом прятался язычок замка. Участок двери раскалился добела, после чего одним мощным ударом ноги мне не составило труда выворотить перегретый замок из гнезда.

Вскинув плазмоган, я подтолкнул распахивающуюся створку плечом и ввалился внутрь. За порогом обнаружилась комната для допросов. Точнее, судя по оборудованию, пыточная. Причем комната площадью около пятнадцати квадратных метров оказалась далеко не пустой – меня встретили перекрестным огнем двух плазмоганов. Но ожидание такой встречи у бывшего винд-трупера, наверное, уже глубоко в рефлексам. Я ушел в кувырок раньше, чем увидел противников. Говоря точнее, я полностью их так и не увидел – передо мной, когда я рухнул на пол, пропуская над собой поток плазмы, предстали только три пары ног. Две мужских, прикрытых бордовой тканью штанов из спецодежды дворников, и одна женская – в туфлях на высоком каблуке, затянутая в модную молекулярную микросетку с изображением стилизованных Сил Небесных. Мужские я тут же подрезал плазмой, а когда варвары с криками шлепнулись на пол, я добил их двумя выстрелами в голову. Опыт подсказывал мне, что и женщина, особенно вооруженная, может оказаться опасным врагом, но что-то помешало мне выстрелить.

Осторожно, не сводя с незнакомки прицела, я поднялся во весь рост и увидел ее всю. Молодая совсем девчонка, лет двадцать на вид, ни во внешности, ни в одежде нет ничего арабского. Летняя блузка из переливающегося «арго», короткая тонированная юбка, ноги затянуты в микросетку. Красивые, кстати, ноги. Да и вообще фигурка вполне ничего – грудь небольшая, аккуратная, бедра узкие, спортивные, плечи кра-

сивые, шея... Но больше всего поразили огромные голубые глазищи и густая грива сияющих каштановых волос.

– Не стреляй, – попросила она по-русски.

Оружия в руках незнакомки не было. Но вообще-то она была мне до лампочки. Если девка оказалась в компании вооруженных мусульман, то цена ей копейка с мелочью.

– С какой радости? – вяло поинтересовался я.

– Я молодая, я жить хочу...

– Веский довод, но вообще-то я тут в гостях. А хозяева оказались столь не радушны, что я, право слово, сильно расстроился. В расстроенных же чувствах я не всегда способен вести себя адекватно. Что ты, сучка, тут делаешь?

– Я медсестра. Из универа на Карповке.

– Замечательно. А я винд-трупер Российского Имперского флота.

– Знаю. Меня притащили сюда, чтобы тебя пытаться. Ну, уколы делать, прямое воздействие на нервы, генитальное вторжение без кровопотери...

– Рад познакомиться, – хмуро ответил я. – Тебе куда плазму всадить, сначала в живот, или из уважения к женскому полу сразу в голову?

– Отпусти меня. – На ее глазах заблестели слезы.

Нет, стыдно говорить об этом, но палец у меня заклинило на спусковой пластине. Вот собрался со всей решимостью разmozжить ей башку, а тело не подчинилось. Видимо, зверь, который внутри меня, был о медсестре иного мнения, чем

сознание. В смысле, тот зверь, который руководствуется гормонами, а не здравым смыслом.

– Какого черта? – решил поинтересоваться я. Мне казалось, что ее ответ добавит мне решимости, и я перестану тратить время попусту.

– Они меня поймали на улице, как и тебя.

– Но пытаться-то ты меня не отказалась.

– Я боюсь смерти... И боли.

– Боли еще понятно. Я ее сам боюсь. А смерти чего бояться? Даже вздрогнуть не успеешь, как плазма испарит твои дурные мозги.

– Зачем? – шепотом спросила она. – Хочешь, я лучше сделаю тебе то, что тебе точно понравится? Это много времени не займет, я хорошо умею...

Это и придало мне решимости.

«Вот стерва», – подумал я и прижал спусковую пластину.

Глава 2

Трибунал

Молекулярные наручники, штука, как об этом говорят, очень гуманная. Руки они не дают, а снять их без специальной химии невозможно, значит, задержанный не причинит вреда ни себе, ни другим, и не сбежит, чем избавит общество от угрозы. Но когда сидишь в них очень уж долго, раздражают они не меньше, чем ржавые кандалы. Я же парился на скамье подсудимых в молекулярках уже третий час, и была бы видна хоть какая-то перспектива! Но нет: прокурор зачитывал документы, потом адвокат зачитывал документы, и так по кругу с редкими перерывами. Хорошо охранник попался знакомый, Вася Мидянин из соседней общаги, где базировался городской комендантский полк. Бывало, пивали вместе, портили печень кровью господней. Так теперь по старой памяти в перерывах он не только выводил меня в туалет, но и давал глотнуть «Синьки» из фляжки. Но даже эти радостные моменты, по большому счету, не скрашивали часы долгой бессмысленной болтовни. И надо же было устроить такое из-за какой-то девки! Ну выведенного яйца тот случай не стоил, и выбрался я из ситуации с честью. Если бы не та стерва, точнее, если бы бес меня не попутал...

С бесами оно проще, как говаривал наш полковой батюш-

ка, спирт-мастер второго ранга Давид Володихин: есть на кого переложить груз ответственности за искушение. А иначе душе тяжело. Загнанная же душа, ляпнул он раз спьяну на Святогеоргиевских маневрах, до рая не доскачет. Рухнет в ад, как запаленная лошадь в траву. А так покаяться и хорошо – в казну доход, с души камень. И поскакали дальше.

Если уж говорить о гормонах, так бесов и за уши притягивать нечего – самая бесовская химия и есть, провалилась бы она до тринадцатой преисподней. Ну, отчудил бы я такое с той девкой в здравом уме? Ну, психануть можно было, можно было даже по простецкому из плазмогана башку снести. Все было бы в рамках пристойного. Хотя лучшим делом было выволочь ее из подвала на свет божий да предать народному суду, как пособницу городских партизан. Девку бы разодрали на части, как бывало в других городах с отрекшимися православными, а мне бы уж точно медальку выписали, видит Бог. Но нет же... Погорячился. Теперь расхлебывать.

Стороны защиты и обвинения продолжали мыть мне кости. Я откровенно скучал, зная, что кончится все, как ни крути, парой-тройкой лет каторги на болотах и возможности возвращения в полк с понижением звания. Меньше не светит, но и больше давать за историю с медсестрой тоже не по-божески. Да и вообще, инкриминировать мне состояние опасности для общества, только на основании произошедшего, было, на мой взгляд, перегибом. Если уж судить по совести, то за свою жизнь, не говоря уж о времени службы в

винд-десанте, я наделал немало вещей, куда более опасных для общества, чем история с той несчастной девчонкой. А если уж совсем в корень смотреть, то именно ей я точно сделал лучше. Понятно, этот момент вообще никого в трибунале не волновал, но для меня это было некоторым внутренним оправданием совершенного преступления. Ведь не секрет, что какой бы проступок ни совершил человек, он, сам того не желая в открытую, усиленно ищет себе оправдательную мотивацию или, на худой конец, рациональное объяснение. Так, по сути, было и со мной. Я понимал прекрасно, что совершил преступление против общества, но в то же время понимал и другое – что бы я ни сделал с медсестрой, кроме того, что сделал, это привело бы ее к мучительной смерти. А так... Трибунал трибуналом, ничего со мной на болотах не станет, но хотелось получить оправдательный приговор от совести и от Господа Бога. Хотя на последнее, учитывая все обстоятельства, я без осмысленного покаяния рассчитывать вряд ли мог. Хорошо, что на всех каторжных поселениях вопрос спасения души каждого из каторжников поставлен на широкую ногу. Перед собой же, повторюсь, я был в некоторой степени чист, что позволяло мне со спокойствием переносить все тяготы судебного разбирательства.

К тому же оно, похоже, близилось к завершению. Прокурор закончил перелопачивать обойму кристаллотеки в проекторе, суд все документы принял, с защитником тоже постепенно вопросы закрыли, осталось опросить меня и дать

мне последнее слово. В общем, формальности. По ходу дела результат заседания был ясен, как собственная смерть при падении с борта винд-крейсера. Но все должно быть чинно, понятное дело. Мы ведь должны чем-то весомо отличаться от варваров с их шариатским судом!

– Подсудимый, встаньте! – поднял меня со скамьи судья.

– Да, ваша честь! – кивнул я, не без удовольствия отрывая зад от скамьи.

– Признаете ли вы себя виновным в совершении преступления, по которому представлено обвинение?

– Да, ваша честь.

– Может ли суд узнать, почему офицер винд-флота, хорошо характеризуемый по службе, добропорядочный православный, мог совершить преступление против веры, общества и собственной совести?

– Мне показалось, что так будет лучше, – честно заявил я.

– То есть вы считаете свой поступок просто ошибкой?

– Если говорить честно, а я под присягой на Библии обещал это, то я произошедшее не считаю ошибкой.

– Но ведь вы безусловно знакомы с законом...

– Совершенно верно, ваша честь. Поэтому я признаю себя виновным в совершении преступления, но ошибкой свой поступок считать не могу. В сложившихся обстоятельствах, мое решение показалось мне наиболее гуманным из всех. А гуманизм, любовь к ближнему и... даже к врагам, которых Богом велено полюбить, как самого себя, лично я счи-

таю добродетелью, а не пороком, хотя, наверное, это странно слышать из уст боевого офицера, убившего много врагов. Но это так, поверьте, ваша честь.

– Допустим, – кивнул судья. – И более того, я приму ваши слова для рассмотрения, они могут стать фактором смягчения приговора. Однако вы должны понимать, что гуманизм в отношении одного человека, тем более ступившего на путь предательства по отношению к обществу и вере, не может стоять выше долга перед обществом. Хотя бы в силу того, что интересы одного человека не могут быть поставлены выше интересов многих.

– Это так, – согласился я. – Поэтому я готов принять любой приговор.

– У вас есть что еще сказать в свое оправдание? – пристально глянул на меня судья.

– Да, – решил я. – Возможно, если бы в трофейном плазмогане не кончились заряды, все было бы проще.

– О чем вы? – не понял он.

– То, что оружие на момент встречи с девушкой утратило боеспособность, зафиксировано внутренним контроллером плазмогана и указано в документах, – подтвердил адвокат.

– Не понимаю, каким образом это вас оправдывает? – настаивал судья. – Если бы речь шла о гражданском, я бы принял этот факт во внимание. Но столь подготовленный боец, как вы, мог голыми руками свернуть девушке шею или же, без всякого оружия, отконвоировать ее на ближайшую

площадь, после чего предать праведному народному суду. Почему не было сделано ни того, ни другого?

– Я не смог...

– В чем причина этого?

– Если бы на ее месте оказался мужчина, совершивший предательство против веры и общества, я бы поступил так, как вы говорите. Но я сам мужчина. Признаю это слабостью, не оправдывающей моего преступления, но, если вы хотите понять, что мною двигало, то мотив был именно таким. Скажу проще. Убить молодую женщину голыми руками мне не позволили инстинкты. Обычные, обусловленные гормонами мужские чувства. Суду известно, что я пытался пристрелить преступницу, отдавшую себя в руки врага и готовую стать их орудием. Но у меня кончились заряды. Убить же ее голыми руками я не смог.

– Поэтому вы не нашли ничего лучшего, чем отпустить ее? – усмехнулся прокурор. – Не могли убить, надо было выволочь ее на площадь, предать толпе и не сидеть теперь на скамье подсудимых.

– Сейчас я стою рядом со скамьей, а не сижу на ней. И, повторяю, готов принять любой приговор. Но вы не сможете заставить меня усомниться в собственной правоте. После того, как мое оружие дало сбой, на женщину было жалко смотреть. Она уже пережила собственную смерть. Она слышала, как щелкнула спусковая пластина. Понимаете? Ей этого на всю жизнь хватит. Она уже понесла наказание. Кому стало

бы легче, если бы ее растерзала толпа или если бы я свернул ей шею?

– Таков закон, – спокойно ответил судья. – Всякий гражданин города, действующий по указанию варваров, приравнивается к городским партизанам и подлежит уничтожению.

– Я знаю. Просто я не смог.

– Но вы могли хотя бы сообщить ее приметы для задержания. Суд принял бы это во внимание.

– Нет, спасибо, – твердо ответил я. – Мне больше нечего сказать в свое оправдание.

– Хорошо, – кивнул судья. – Тогда суд удаляется на совещание.

Дальше все пошло быстро. Мне впаяли пять лет каторжных работ на болотах, причем без права возвращения на флот, и повезли в каторжный распределитель. Тяжелый полицейский гравимобиль стремительно двигался вдоль осевой, прикрытый спереди и сзади двумя машинами сопровождения, а я глядел в окно и тупо пялился на голографические щиты с рекламой, висящие вдоль улицы. Одна надпись бросилась в глаза. Это была социальная реклама, какие вывешивает Святая Церковь или Антинаркотический комитет. Но сейчас, совершенно обычная строка, которую я много раз видел на улицах, неприятно царапнула сердце. «Плодитесь и размножайтесь», – было написано на щите. И внизу подпись: «Г. Бог». Ну не насмешка ли, проехать под такой рекламой на каторгу за то, что оставил в живых молодую, гото-

вую к репродукции женщину? Варвары плодятся, как крысы, давят нас не столько силой, сколько генами, а мы ратуем за убийство потенциальной матери, только бы доказать другим, что лучше смерть, чем помощь городским партизанам. А чем лучше? Девчонка и так перепугалась до истерики. И что я, в таком состоянии должен был ее душить или тащить на растерзание? Нет уж, дудки. Пусть живет, плодится и размножается, как завещал Господь Бог. Не думаю, что помощь партизанам входила в ее планы. Просто она не хотела умирать.

Закрыв этот вопрос для себя, я снова успокоился. Ну что такое пять лет на болотах? Хуже было, что приговор вынесен без права возвращения в ряды винд-флота. Это грустно. Я привык быть бойцом. По большому счету я ничего, кроме этого не умел. Ладно, за время каторги чему-нибудь научусь. Силой Бог не обидел, а там разберемся. С голоду не умру. Хотя дело, конечно, не в голоде. Скучно будет и тоскливо ощущать себя не на своем месте. Но об этом пока рано думать. Вот когда каторга кончится, тогда и появится смысл во всем разбираться.

Изолятор-распределитель располагался внутри городской стены, но вдали от основных жилых районов. Проскочив с воем сирен по улицам, гравииомобиль набрал высоту и взял курс на север. И тут произошло нечто странное – заглох двигатель. Нет, такое бывает с любой машиной, хотя полицейский броневик штука очень надежная, да к тому же нахо-

дящаяся на приличном обслуживании. Но самое смешное в том, что ход потеряли и патрульные спидеры в авангарде и арьергарде. Это уже было бы трудно списать на случайность. У меня екнуло сердце – очень не хотелось из одной неприятной истории прямым курсом вляпаться в следующую. Не хватило бы ума у кого-то из сослуживцев организовать акцию по моему спасению от каторги. Не хотел я становиться беглецом! За каким чертом оно мне надо? Работа везде работа – что на винд-крейсере, что на болотах. Трудно даже сказать, где труднее, но в бою, как минимум, опаснее для жизни. Конечно, денежное довольствие на каторге не выплачивают, но и черт с ним, если предоставят баланду и теплый барак. Привыкнуть можно ко всему. Зэков я, понятное дело, боялся меньше всего. Меня даже, чтобы спящего задушить подушкой, нужна специальная подготовка и сплоченный отряд из семи человек, а уж если кто в открытую попробует всадить мне заточку в почку, так ему придется ее выковыривать из собственной задницы без гарантии успеха этой сложной хирургической операции. Баб вот только не будет. Это проблема. Но, в принципе, как говорится, на безрыбье и сам станешь раком – на пяток лет можно мужиками и перебиться. Живут же как-то монахи в монастырях. По доброй, кстати, воле.

Но, не успев додумать эту новую для себя мысль, я увидел, как головной бронированный спидер разлетелся тысячей раскаленных добела осколков. Мой зэк-транзит не сла-

бо качнуло ударной волной, так что я, не имея возможности схватиться за что-нибудь скованными руками, полетел с сиденья на пол и на некоторое время потерял возможность следить за происходящим через узкое смотровое окно. На то, чтобы снова вскочить на ноги, у меня ушло не больше пары секунд, но усилия пропали даром – новый взрыв снова сбил меня на пол. Это разнесло в клочья второй спидер.

– Черт бы вас всех побрал! – выругался я, не имея возможности потерять ушибленный локоть.

И тут же люк, ведущий в тамбур охраны, распахнулся настежь, впустив в мою бронированную конуру вооруженного легким лазером полицейского. Лазер – это вам не малокалиберный плазмоган. Им резанет, как скальпелем... В два счета кишки на палубу выпадут, если не хуже. Кстати, я сразу смекнул, с чего это дылда в меня прицелился. Наверняка инструкция приписывала ему, в случае подобного нападения, уничтожить меня любым способом, чтобы не дать врагу завладеть «языком». Или, того хуже, чтобы я, со злости за приговор, не переметнулся в стан противника. Ну, не тупость ли? Чтобы я, православный до мозга костей, стал жить в саклях с мусульманами и трахать коз вместо женщин? Спасибо... Уж лучше на каторгу. Там, если и с мужиками придется это дело иметь, так хоть с белыми.

Снова прогнав эту, вернувшуюся по кругу, с позволения сказать, мысль, я прикинул, как можно выкрутиться из подурачки сложившейся ситуации. Надо же так влипнуть, что-

бы оказаться дважды без вины виноватым за столь короткий, блин, промежуток времени. А что, собственно, выкручиваться? Тут, хочешь не хочешь, придется применять силовое воздействие... Так и пошли у меня нанизываться преступления против общества «одно за другим на нить моего идиотского положения». Может, и прав был судья, что на некоторое время меня следовало изолировать. Возможно, для моей же пользы. Да я, собственно, и против-то не был. Только судьба вот распорядилась иначе. Все же Господь наш, Вседержитель, не без чувства юмора, надо признать. Правда, у него оно какое-то злое. Хотя, учитывая божественный возраст, это тоже можно понять.

Вырубив полицейского ногой в ухо и перехватив не успевший шлепнуться на пол лазерган, я ощутил себя несколько увереннее. Однако, понятное дело, что не удалось одному полицейскому, попытаются доделать оставшиеся. И мне, как ни претило это совершать, пришлось выпотрошить их всех тонким инфракрасным лучом. Включая пилотов. Для гарантии. В принципе, если снова будут судить, у меня появится отмазка. Скажу, что бежать не собирался, а потому посчитал действия конвоя унижительными для офицера винд-флота. Наверняка накинута еще пару лет, но, в принципе, судья ведь тоже не даун, поймет, что трудно обвинить человека в том, что он не сидел и не ждал, когда ему выпустят внутренности наружу. Внутренности – они на то и внутренности, что должны находиться внутри. Но эту цепь размышлений я пре-

рвал ввиду явного отсутствия логики – внутренности полицейских были не просто снаружи, а развалились зловонными кучами по всему гравилету. И сделал это я. Поэтому надо было не умничать, а думать, что делать дальше.

Ясен красен, что я кому-то очень сильно понадобился. Причем, не шайке городских воришек, таскающих корюшку с рыбацких экранопланов, а более серьезной преступной организации. Потому что электромагнитная пушка, бьющая останавливающим любую технику лучом, штука не просто дорогая, а слегка запрещенная к применению. Ее через городскую стену протащить не проще, чем сохранить прическу в эпицентре термоядерного взрыва. А у моих незваных спасителей она точно была, иначе чем они дистанционно заглушили бы двигатели двух спидеров и тяжелого броневика? Причем «микроволновкой» их арсенал не исчерпывался – спидеры не просто заглохли, от них вообще ничего не осталось. Городские партизаны так вооружиться не могли ни при каких обстоятельствах, хотя бы в силу того, что ни один православный, будь он трижды негодяем и последним преступником, все равно не продал бы арабам ничего мощнее термической гранаты. Да и то... Боюсь, что гранаты у них были собственного, арабского производства, как и плазменные трещотки. Хотя бывали и исключения. Слышал я про одного офицера, который в Перми продавал гранаты городским партизанам. Правда, он их немного модернизировал перед продажей – удалял из запалов замедлители, после чего дето-

наторы взрывались прямо в руках, сразу после срыва чеки. Десяток подобных случаев, и бизнес по нелегальной продаже вооружений варварам изжил себя. Арабы сами боялись покупать у белых что бы то ни было. Так что брали они не навороченностью арсеналов и не умением, а банально численным превосходством.

Но если это не варвары, то кто? Сектанты какие-нибудь? Но за каким, извините, хреном сектантам мог понадобиться офицер винд-флота? Или они понятия не имели, кто находится в броневиике, а в их задачу входил обычный террористический акт для подрыва стабильности в обществе добропорядочных православных? Предположить можно было что угодно, но, вне зависимости от характера вмешавшихся в мою судьбу сил, ситуация вышла до крайности идиотская. Я готов был молиться, чтобы полицейский патруль прибыл как можно раньше и меня поскорее отвезли бы в барак на болоте. Потому что иначе, стань я беглецом, мне придется всю оставшуюся жизнь скитаться за пределами городских стен.

Опустив ствол лазергана, я ногой вытолкнул из пилотского кресла труп и занял его место за пультом. Нет, после удара «микроволновки» эта посуда уже точно не полетит, она держалась в воздухе только за счет многомерной геометрии антигравитационного привода Шерстюка который, как известно, не требует для работы никакой энергии ни в каком виде. Вся энергия вкладывалась на этапе производства силового ядра привода. Поэтому у потерявшего ход броневи-

ка сохранилась способность маневра в вертикальной плоскости, чем я и намеревался воспользоваться. В принципе, мне достаточно было приземлиться, а там уже посмотрим, что нападающие собираются делать с офицером-спецназовцем.

На ходовых мониторах было хорошо видно окружающее пространство, еще затянутое дымом от рванувших в воздухе спидеров. В этом пространстве, с юго-востока, двигались курсом галфинд четыре гравио-серфа с короткими швертами и серьезной, метров по десять квадратных, парусной оснасткой. Я глянул, с какой скоростью и в каком направлении сносило дым, чтобы прикинуть, каких маневров можно ожидать от противника. В принципе, чтобы взять меня в воздухе на абордаж, им придется сменить галс. Я же за это время, при определенной доле удачи, мог посадить машину и сделать ноги в сторону обжитой части города, где не составит труда сдать полицию на первом же участке. Это было бы наилучшим из возможных вариантов развития событий, но Господь редко позволяет выкрутиться так легко. Я же говорю, у него очень необычное чувство юмора. Мало того, что он за каким-то чертом создал два разумных пола в среде человечества, так он еще, да святится имя его, придумал закон подлости, по которому события чаще всего развиваются по наихудшему варианту. И если от первой придумки было так весело, что иногда обхохочешься, то от второй было мало кому до смеха. Если же кто-то попробует мне возразить, что закон подлости – дело рук Сатаны, то я только усмех-

нужь. Ну как может Господь всемогущий позволить случиться чему-нибудь во Вселенной против его божественной воли? Смех на палке! Он и Сатану-то в блин не раскатал только потому, что тот иногда может с юморными делишками самостоятельно справиться, освобождая Господа нашего от лишних хлопот.

Вертикальное движение всех гравилетов обеспечивалось поворотом силового ядра привода Шерстюка на определенный угол. Геометрия конструкции, а следовательно, и вектор противодействия гравитации, изменялись, вследствие чего тяга по вертикальному вектору возрастала или ослабевала. Но я был далек от мысли, что мне доведется сделать это с пульта. Все приборы после удара электромагнитного луча приказали долго жить, и о них можно было смело забыть. Но в боевой машине, какой, безусловно, являлся броневик для перевозки заключенных, наверняка имелась альтернативная система, обеспечивающая приемлемую посадку. Не такую, понятно, как в анекдоте про эскадренного батюшку, свалившегося с борта винд-крейсера.

Я пробежал глазами по надписям на шильдиках рычагов и почти ничего не понял. Извините, не гравилетчик. В основном обозначения органов управления состояли из цифр, ровно ничего мне не говорящих. Хорошая защита от угона арабами, надо признать. У варваров почти поголовно наблюдалась идиосинкразия к любым формам образования, кроме медресе. К тому же средний уровень интеллекта у террори-

стов хоть и выше собачьего, но не намного. Стал бы человек с интеллектом душить рожениц в роддоме или поубивал бы он всех гимназистов в школе Святого Иова на Пасху? Бред. На такие вещи способен либо олигофрен, у которого слюни со рта текут непрерывно, либо арабский партизан с хорошо промытой в медресе черепашкой. По интеллекту оба одинаковы, только у партизана, в отличие от олигофрена, есть плазмоган и граната. Это единственное, на мой взгляд, между ними отличие. У меня с мозгами было чуть получше, но и мне пришлось искать нужную рукоять путем научного тыка, то есть без всяких затей дергая их скованными руками одну за другой. Никакой опасности подобный подход не представлял, поскольку те органы управления, которые не работали без электричества, попросту не откликались, а когда я добрался до нужного рычага, его поворот не только потребовал усилия, но и сразу привел к результату – гравилет начал ощутимо подниматься. Судя по всему, от ручки под палубой к силовому ядру привода шла механическая штанга, меняющая угол наклона. Мудро и надежно.

Спохватившись, я сдвинул рукоять в противоположную сторону и ощутил щекотку под ложечкой – падение пошло быстрее, чем я ожидал. Но пока земля далековато, этой неточностью можно было пренебречь. Наоборот, она давала мне выигрыш по времени.

Парни на гравио-серфах не растерялись, увидев мои маневры, а тоже начали менять эшелон. Причем с большей, чем

у меня, скоростью. Ветер был свежий, а на галфинде маневрирование требует минимума усилий. В общем, у них были все преимущества, а у меня только сила духа и злость на свалившиеся на голову негативные обстоятельства.

Когда до земли оставалось метров десять, я снизил скорость падения, чтобы при ударе о грунт позвоночник не высыпался в штаны, но приложило все равно как следует. Хорошо хоть кресло мягкое.

На земле я ощутил себя куда увереннее, чем в чужом, потерявшем ход летательном аппарате. Надо было только пару секунд, чтобы прийти в себя после не слишком мягкой посадки, а потом попытаться выбраться из этого бронированного гроба, уже насквозь провонявшего вывороченными человеческими внутренностями. Если кто-то думает, что потрепанный человек благоухает фиалками, то я вынужден таких разочаровать – дерьмо в кишках именно дерьмом и пахнет. А еще кровищи на полу почти по щиколотку, она же в больших количествах тоже имеет характерное амбре. В общем, несмотря на нежелание пускаться в бега, я поспешил покинуть броневи́к.

Сдвинув в сторону крышку бокового пилотского люка, я соскочил в невысокую осоку, примятую тяжелой машиной. Воздух был свежий, дул северо-восточный ходовой ветер порядка семи метров в секунду, а через частые облачные разрывы светило яркое солнце. Четыре гравиио-доски противника снижались, и приближались они очень бодро –

все шли ровно, красиво, расслабленно, одним галсом, сменив курс чуть выше галфинда. Тренированные ребята. При таком, чтобы ветре играючи справляться с десятиметровым парусным вооружением, подготовочка нужна та еще.

Я включил на трофейном лазергане голографический прицел для дальней стрельбы и хотел уже занять оборону, прикрывшись бронированным лобовым обтекателем, но призадумался. Получалось, что стрелять придется в людей, по какой-то причине отбивших меня у конвоя. Понятно, что немаловажна цель, с которой они это сделали, но, с другой стороны, было уже совершенно ясно, что полицейских нахлобучили не арабы. А раз так...

Нет, ну не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – за убийство пятерых полицейских меня по головке не погладят. Да и пять лет каторги тоже не могут стать самым светлым пятном в моей жизни. И, самое обидное, срок мне впаляли без права возвращения в ряды флота. Фактически, если посмотреть на ситуацию здраво, у меня в жизни не осталось никаких перспектив. А так... Все равно я, как ни крути, превратился из-за той глазастой девчонки в изгоя. В обычного человека, каким быть отвык. Говорят ведь – семь бед, один ответ. Можно рискнуть и попытаться узнать, чего хотят от меня эти тренированные ребята на гравио-серфах.

Посчитав это решение окончательным, я выключил прицел и опустил ствол лазергана. Серферы приблизились настолько, что я разглядел штыри навесного вооружения на

их досках под серебристыми парусами из вакуум-поля. На носу ведущего, на турели с массивным маховиком гироскопа, виднелся кургузый ствол «микроволновки». Несмотря на столь тяжелую нагрузку, снижающую баланс доски донельзя, серфер перед посадкой крутанул амплитудный фронт-луп, в перевороте убрал шверт, а потом очень точно закончил сальто, проскользив доской по траве. Едва незнакомец отпустил гик, в его руках тут же возник плазмоган среднего калибра и устоялся мне в живот. Скосив глаза, я заметил, что остальные серферы, не опускаясь на грунт, выключили генераторы парусного поля и тоже держат меня на прицеле. Скрамненько, но со вкусом, надо признать. Нет, конечно, я мог немного покувыркаться в траве и гарантированно срезать парочку ребят, затянутых в черные аэрокостюмы, но смысла в этом большого не было. Мне или придется убить их всех, после чего моя судьба станет судьбой ободранного, вечно голодного скитальца, не имеющего возможности вернуться к цивилизованным поселениям и не имеющего желания примкнуть к арабам, или же мне разумнее попытаться узнать, чего серферы хотят от меня.

Не сходя с доски и не сводя с меня прицела, их предводитель изрек:

– Насильно мы тебя никуда не потащим. Это раз.

Был он на пару-тройку лет старше меня, но тридцати пяти ему, похоже, не было.

– Уже на этом спасибо, – с кривой усмешкой ответил я. –

А могли вы тогда поинтересоваться, мечтал ли я, чтобы меня кто-то освобождал? Ты представить не можешь, в какое идиотское положение я попал. Я не хочу остаток жизни бегать от властей!

– Тебе и не придется этого делать, – возразил серфер. – По сути, пока еще в твоей жизни ничего не изменилось. Ты можешь прямо сейчас принять наше предложение, а можешь его отвергнуть. Во втором случае поедешь обратно на каторгу. Это сделать никогда не поздно.

– А в первом, куда? – мне не удалось скрыть легкий интерес к альтернативному варианту.

– Это в двух словах не объяснишь. Но, если рассматривать основной слой проблемы...

– Ты можешь выражаться попроще? – попросил я. – А то у меня мозг пучит от твоих оборотов.

Мне показалось, он немного смутился.

– Хорошо, извини. Мы хотим предложить тебе работу по специальности, но не в структуре вооруженных сил.

– Тьфу на тебя. А где? На стороне арабов? К черту! Если я захочу полизать кому-то задницу, то предпочту, чтобы она была белой и не очень волосатой.

– Я похож на араба? Или кто-то из них? – Он искоса глянул на спутников.

– Хрен вас знает, – пробурчал я.

– Дело в том, что мы не входим ни в одну государственную структуру. Скажу больше, мы занимаемся вещами, очень да-

лекими от политики.

– Чушь... – с сомнением ответил я. – Какие же могут быть структуры, кроме государственных? А если и были бы, почему о них ничего не известно?

– Я вижу, мне удалось вызвать у тебя долю интереса к нашему предложению, – с улыбкой кивнул серфер.

– С какой стати ты так решил?

– Интуиция. Повторяю, на арабов мы не работаем. В этом ты убедишься, если проявишь свой интерес и дальше.

– Ладно, – кивнул я.

– Как тебя зовут, я знаю, а меня все называют Щеглом. Хотя на самом деле нормальное имя у меня тоже есть. Альберт Дворжек.

– Приятно познакомиться, – пробурчал я.

Ни его имя, ни его прозвище ни о чем мне не говорили.

– Предлагаю продолжить беседу у нас в офисе, – произнес Щегол. – Иначе сюда скоро подтянется полицейское подкрепление, и у нас возникнут лишние, никому не нужные проблемы.

– Хорошо... – Я принял решение. – Валяйте. Послушаю, что вы собираетесь лить мне в уши. Похоже, вам просто нужен бывалый винд-трупер. Так?

– Если не вдаваться в тонкости предложения, то это можно принять за его основу.

– Понятно. Узнали про трибунал и решили, что я предпочту чаепитие в офисе дороге на болота. Ладно, психологи,

вы полетите, а мне ножками топать за вами?

– Нет. Мы рассчитывали, что в подготовку десантника винд-флота должно входить управление малыми гравиио-парусными судами, вроде виндсерфа.

– Вы не ошиблись. Только лишней доски я не вижу.

– Макс тебе уступит свою.

После его слов самый молодой из парней, не раскрывая паруса, мягко опустил доску в траву. Первое, что он сделал, – снял с матчасти две плазменные пушки и отшвырнул их подальше. Затем молча стянул с себя аэрокостюм, под которым оказались штаны со свитером, и протянул его мне.

– Одевайся, – кивнул Дворжек, освобождая и свою доску от дорогостоящего вооружения.

– Вы всегда так разбрасываетесь пушками? – спросил я, влезая в обтягивающий акриоловый комбинезон.

Хорошо, что он был из безразмерного термоприсадочного акриола, а то объемы тел у нас с мальчиком были очень уж разные.

– У нашей организации нет недостатка в финансовых средствах. Не спеши. Скоро сам все узнаешь, – ответил Щегол.

Последняя фраза прозвучала очень весомо. Честно говоря, я заинтересовался всерьез. Макс между тем, как ни в чем не бывало, одернул свитер и, ни с кем не прощаясь, побрел на запад, в сторону Залива. Побрел без дороги, приминая ногами стебли осоки и желтые цветы чистотела.

– Далеко ему топать? – Я решил проявить сочувствие.

– Дойдет, не волнуйся, – усмехнулся предводитель.

Я пожал плечами и покосился на освободившуюся после Макса доску.

– Надо спешить, – подал голос грузный светловолосый парень, на вид самый старший из всех, не считая Дворжека. – А то цепь событий снова начала входить в зону статистических вероятностей.

– Ненавижу спешку! – недовольно пробурчал Альберт.

Мне давно не приходилось стоять на серфе, но это, как велосипед – раз научился, потом худо-бедно все равно сможешь кататься, быстро восстанавливая навыки. Раньше, кстати, лет пятьдесят назад, винд-доски использовались для десантирования с крейсеров, но потом их посчитали слишком громоздкими. Сейчас для выброса отряда винд-труперов используются либо оттяжные штурм-тросы из кевларовой нити, по которым десантники скользят на микроблоках, как пауки, либо пара-кайты из генерируемого заплечным активатором вакуум-поля. Но мне серф нравился. В нем, кроме всего прочего, есть эстетика стремительности, свободы скольжения... А впрочем, это уже эмоции. Сунув ноги в петли, я нажал на гике клавишу генерации паруса, а пяткой придавил контроллер поворота антигравитационного привода. Доска взмыла вверх, шверт, дающий ей курсовую устойчивость в магнитном поле Земли, вышел автоматически. Подхваченная свежим ветром матчасть чуть накре-

нилась, задрала нос и легко вышла на курс в режиме аэроглиссирования. Чуть увеличив высоту полета, я рассмеялся. Все же эйфория от гравииосерфинга легко смывала с ткани реальности любые проблемы. Даже побег с каторги, сопровождаемый убийством охраны. Даже полную неизвестность впереди. В ней тоже был дополнительный кайф, в этой неизвестности. Взяв курс крутой бакштаг, я подождал сопровождающую команду, сменил галс и пошел за ними в кильватере. Ветер звенел в тончайшей пленке паруса яркой радостной нотой. Если прислушаться, можно было услышать, как в этой ноте звучит слово «Свобода».

Но только поднявшись метров на тридцать, я заметил странную вещь – в округе никого, кроме нас, не было. То есть вообще никого из возможных свидетелей произошедшего. Валялся сбитый гравииомобиль, в котором меня везли, топал в сторону древней, заросшей сиренью бетонки Макс... И все. Ни на земле, ни в небе больше не было ни одной живой души. Я посчитал это добрым знаком. Как минимум, некому будет передать наши приметы полиции. А может, при изрядной доле везения, мне дадут чуток пожить на свободе. Поймать-то все равно поймают, но перед каторгой каждый глоток свежего воздуха обретает особую ценность.

Глава 3

Институт Прикладной Экзофизики

Альберт управлял серфом не просто хорошо, а на уровне мастера. Он чувствовал не только ветер, к этому привыкаешь довольно быстро, он чувствовал «волну», то есть флуктуации магнитного поля Земли, которые по ощущениям больше всего похожи на волны в море. Оно ведь, поле, довольно неоднородное, к тому же магнитные бури и прочие геогелиотрешения вызывают в нем возмущения от ряби до приличного шторма. Чем серферы обычно и пользуются для выполнения самых разных трюков. То, как винд-судно на такие возмущения реагирует, зависит, понятное дело, от мощности киля или шверта, точнее, от мощности килевого генератора, обеспечивающего курсовую устойчивость. Без него любое винд-судно ходить под парусом не смогло бы вообще, его бы сносило ветром, как сносит аэростат. А так магнитный киль, упираясь в линии магнитного поля, словно в воду, позволяет работать парусу точно так же, как это было на древних кораблях, бороздивших океанские волны. Но киль упирался не только в горизонтальном направлении, но и в вертикальном, создавая, пусть и минимальную, но плавуемость в магнитном поле. Это не столько помогало антигравитационному приводу держать судно, сколько добавля-

ло те самые неровности, очень напоминающие волнение в море. Так вот Дворжек их чувствовал виртуозно, разгонялся с них, как с небольших горок, взлетал на них и прыгал, будто с трамплина, или лавировал между ними. Я загляделся. Не то чтобы сам не умел, но всегда приятно полюбоваться работой мастера.

Мы шли над лесом небольшим клином на высоте метров тридцать, ветер дул ровный, без порывов, поэтому управлять парусом, пусть и столь большой площади, не составляло для меня никакого труда.

Вскоре впереди замаячил Залив, и Альберт начал набирать высоту, поскольку мы из необжитой зоны стали приближаться к Городу, где основными постройками являлись полукилометровые небоскребы. Я тоже прижал пяткой контроллер поворотного блока антигравитационного привода и хотел было спокойно, без затей взмыть вверх, но не удержался от выпендрежа. Вообще на серфе удержаться от него трудно – восторг свободного скольжения побуждает к получению еще большего восторга, к борьбе со стихией, к овладению не только ветром, но и упругой плотью магнитного поля. В общем, я разогнался с пологой волны, взлетел на более крутую и прыгнул, закрутив обратное сальто. Получилось вполне амплитудно, хотя я черте-те сколько лет этот трюк не проделывал. Дворжек покосился на меня и показал поднятый вверх большой палец. А что он думал? Я хоть и не спортсмен, а тоже пороху нюхал. В других, правда, условиях. Хотя

черт его знает, в каких условиях побывал Дворжек? Сейчас это мне уже не казалось открытой книгой на родном языке.

В этом месте, называемом Маркизовой лужей, залив был очень мелким, можно было километр прошлепать по колену в воде, поэтому еще черте-те когда, в начале двадцать первого века, эту акваторию рассекли несколькими насыпными косами, на которых выстроили дома. Домов тех, правда, не осталось и в помине – все они превратились в руины во время войны с биотехами, тогда ни одно здание вблизи от воды не уцелело. Но теперь, почти через полторы сотни лет, на косах снова выросли небоскребы. Это были не бетонные башни двадцать первого века и не композитные «одуванчики» времен большой охоты на живые торпеды. Архитектура сильно изменилась с тех пор. Теперь дома возникали и перепланировывались так же быстро, как раскрываются паруса винд-эсминцев, поскольку материал их один и тот же – кварковое вакуум-поле. Достаточно было соорудить фундамент из строительного композита, а затем смонтировать на нем генераторы, чуть посложнее генераторов – паруса, и дом возникал от одного поворота рубильника. Завози мебель и селись на здоровье. Ни землетрясение такому небоскребу не страшно, ни пожар. Хотя в старом Питере, например на Петроградке и на Васильевском острове, осталось еще порядком «одуванчиков» столетней давности. Даже офицерское общежитие располагалось в композитной постройке, хотя уже давно ходили слухи о его скорой замене на нормальное современ-

ное здание.

В конце самой длинной косы, проложенной по Маркизовой луже на запад, находилась одна из самых престижных в городе серф-станций под названием «Вольный ветер». Я уже понял, что путь мы держим именно туда – больше некуда. Странное это ощущение, надо сказать – из стычки с полицейскими, после которой не осталось ни одного живого свидетеля, как ни в чем не бывало выбраться в одно из самых людных мест Сан-Петербурга. Это в голове не укладывалось – сбежать из-под стражи, а потом спокойно рассекать на серфе по городу. Не скажу, что у меня слабые нервы, но железными их тоже назвать не могу, так что при виде полицейского патрульного антиграва, следующего поперечным курсом, у меня образовалась некоторая слабость в ногах. Альберт же, как ни в чем не бывало, продолжил вести доску прежним курсом. Патруль проплыл мимо на опасно малой скорости. У меня под аэрокостюмом спина вспотела, хотя совсем недавно я готов был сдать властям без промедления. Но ветер свободы вскружил мне голову – теперь мне уже не очень хотелось в прохудившиеся бараки на болотах. Вот оно непостоянство человеческой натуры.

Наверняка полицейские уже знали о нападении. Даже если мой конвой не успел передать сигнал бедствия, а такое теоретически было возможно, то наверняка после невыхода на контрольный сеанс связи был объявлен план-перехват. Значит, рухнувший в траву броневик, со всем содержимым,

уже найден, значит, я объявлен в розыск и, в принципе, моя поимка была делом нескольких часов. Стоило патрулю нас остановить и просканировать подкожные чипы, и мое будущее на ближайшие шесть-семь лет можно было предсказать без вмешательства цыганки. Хотя, с другой стороны, не оставливать же всех добропорядочных граждан подряд!

Я попытался влезть в шкуру блюстителей порядка и понял, что на команду серферов уронил бы подозрение в последнюю очередь. Ну, слишком уж это из ряда вон. Скорее я бы искал один или два гравилета. Нет, ну действительно, кто подумает, что остановить конвой с каторжником можно на четырех досках под парусом? Идиотом надо быть, чтобы предположить подобное. А еще большим придурком надо быть, чтобы такое придумать. Кем бы ни был Дворжек, в бесшабашности ему не откажешь.

Ближе к концу косы, где гряда небоскребов обрывалась в Залив, на плоской набережной располагался домик станции «Вольный ветер». Чуть поодаль, над водой, висели антигравитационные платформы ресторанчиков, уже раздвинувшие створки летних площадок, а на ступенях вдоль воды толпились туристы. Все как обычно, я бывал там не раз и не два, потому что в целом Питере трудно найти лучшее место для распития крови Господней. Но одно дело прикатить к набережной на гравииоскутере, посидеть, поглядеть на закат, а совсем другое свалиться с неба на чужом серфе, только что разделившись с охранявшими тебя конвойными. Правда, как

это часто бывает, наступает некий предел нереальности происходящего, после которого удивлению места уже не остается. Когда накал эмоций выплескивается за край, дальше все чувства значительно притупляются. Со мной начало происходить нечто подобное.

Альберт во главе нашего клина миновал гряду небоскребов, сложил парус, чтобы не зависеть от ветра, и начал снижаться, соскальзывая по широкой дуге над Заливом, как с горы. Я тоже выключил генератор паруса и, подрабатывая только анигравитационным приводом, направил сверкающую на солнце доску к серф-станции. Представляю, как красиво мы выглядели – четыре стремительных силуэта, скользящие по волнам магнитных линий в сторону берега. Не мудрено, что на подходе к ангару, в котором располагался склад матчасти «Вольного ветра», туристы встретили нас дружными аплодисментами. Тут уж мы с Дворжеком не стали отказывать себе в удовольствии и показали класс по полной программе. Сначала он выдал «змейку», переваливая центр тяжести с одного борта на другой, затем вскочил на магнитную волну и продемонстрировал серию сальто под восторженные выкрики снизу. Я не стал от него отставать – тоже разогнал доску в «змейке», затем в прыжке развернул ее кормой вперед, снова обратно, а потом то же самое с двумя переворотами через голову. Только после этого по сужающейся спирали я, убрав магнитный шверт, опустился на засыпанную песком посадочную площадку перед станцией.

– В выходные надо будет с тобой пофристайлить, – рас- смеялся Щегол, приземляясь рядом со мной. – Похоже, ты был отличником кадетского корпуса.

– Ты наших отличников не видел, – отмахнулся я.

Но было приятно, чего уж душой кривить.

– Отличники, к сожалению, редко попадают на каторгу, – вздохнул он.

– Иди ты! – беззлобно послал его я. – Далеко ты собира- ешься топтать отсюда? Наверняка наземные патрули на каж- дом шагу. Не хотелось бы мне нарваться на сканнер подкож- ных чипов.

– Идти никуда не надо, – спокойно ответил Дворжек. – Это и есть наша база.

– «Вольный ветер»? – поразился я. – Самая дорогая стан- ция в городе?

– Я же предупредил тебя в самом начале знакомства, что организация, которую я представляю, не имеет недостатка в финансовых средствах.

– И все же я удивлен. Ты имеешь отношение к руковод- ству? Чушь! Я бы тебя знал. Кататься тут, ясное дело, не при- ходилось, не тот доход у винд-трупера, но Вадика-то, дирек- тора, знаю и я.

– Если быть точным, то я и есть руководство. А Вадик Пименов просто директор. Он работает на меня.

Я не нашелся, что на это ответить. Еще двое серферов опустили на песок рядом с нами.

– Пойдем! – Альберт подтолкнул меня ко входу в ангар. – А то твои снимки, наверняка, уже разосланы всюду, куда только можно. К тому же лицо у тебя, прямо скажу, довольно запоминающееся. Не стоит ждать, когда кто-то из добропорядочных граждан стукнет на тебя полиции.

Меня не надо было уговаривать. Следом за Щеглом я шагнул через порог ангара и оказался в прохладном полумраке станции. Первое, что бросилось в глаза, – десятки досок, оставленных владельцами на хранение. Глянцевые, лоснящиеся, как бока дельфинов, стремительные конструкции последних моделей. Каждая имела неповторимый рисунок, подобный татуировке, иногда яркий, затейливый узор, иногда спокойную картинку. Трудно было удержаться, чтобы не провести рукой по столь совершенной поверхности. Но Альберт, не останавливаясь, пересек хранилище, в конце которого виднелась металлическая лестница. Она вела вверх, в наблюдательную башенку, и я решил, что именно там расположен офис. Но мой новый знакомый направился мимо нее, прямо к глухой композитовой стене, отделяющей склад матчасти от технических помещений. Причем шел он так, словно останавливаться не собирался. Я замер – мне живо представилось, как Дворжек шарахнется лбом, но этого не произошло. Как ни в чем не бывало, он прошел сквозь стену, будто сквозь воздух. У меня челюсть отвисла, и я так и остался стоять, словно меня к полу приклеили.

– Ну, чего ты уставился? – раздался голос Альберта из

недр стены.

Он высунулся из монолита по пояс и призывно махнул рукой.

– Иди сюда. Голографической маскировки не видел ни разу в жизни?

– Тьфу на тебя! – покачал я головой. – О таких вещах предупреждать надо.

– Да я как-то привык... – Он пожал плечами. – Ладно, пойдем, не тяни время. Его, как и денег, много не бывает. Или ты все же предпочтешь потратить семь лет на каторге?

– Нет уж, – ответил я после секундной паузы. – Что-то у меня отпала охота на это.

Мы просочились сквозь имитацию стены и оказались в небольшом помещении, оформленном в японском стиле. Большую его часть занимал низкий столик с чайным прибором, на стенах висели копии древних гравюр, а может, учитывая стоимость предоставляемых серферам услуг, даже оригиналы. Честно говоря, в этом я разбирался настолько слабо, что мне было совершенно без разницы. Куда больше меня заинтересовали два меча, расположенные ниже гравюр – один длинный, чуть изогнутый, другой вдвое короче. Оба были в одинаковых ножнах, черных, лакированных, инкрустированных металлическим орнаментом в виде драконов, оба имели длинные, обтянутые рыбьей кожей и шелковым шнуром рукояти, за которые можно было держаться двумя руками. Гравюры гравюрами, но за такой комплект можно

было без труда угодить за решетку, попади сюда инспектор из Имперской духовной комиссии. Хотя и за гравюры по головке тоже не погладили бы. Столь яркое нарушение закона «О неприятии православными чуждых духовных ценностей» меня озадачило. Любил рисковать Альберт, ох любил! Причем, как теперь я понял, иногда неоправданно. И мало того – на небольшом алтаре у стены, в обрамлении благовонных палочек, сидел в позе лотоса небольшой нефритовый божок. Это уже пахло тремя годами каторги, как выпить дать.

– Нечего челюсть отвешивать, – усмехнулся Дворжек. – Или ты сам до мозга костей православный?

– Эскадренные батюшки претензий не имели, – серьезно ответил я.

– Ну-ну...

Меня это «ну-ну» задело. Конечно, я не был уверен, что миру семь с половиной тысяч лет, как написано в Библии, но все же определенные рамки в этом плане должен иметь каждый цивилизованный человек. В противном случае чем мы будем отличаться от варваров? Как говаривал наш батюшка – вера дело не личное, а общественное. И хождение в храм Божий необходимо не только для очищения твоей души и пополнения церковной казны, но и для повышения чувства единения с цивилизацией. Что у кого в голове творится, то одному Богу известно. Веришь ты в Господа нашего, или есть на тот счет сомнения, но соблюдение правил, постов и заповедей неслучайно вменено всем в обязанность.

При таком демографическом натиске, который устроили европейцам варвары, следование традициям осталось нашим последним бастионом. Одну заповедь, правда, военным разрешено было не соблюдать. Понятно, какую. Для отпущения этого греха и нужен был штат полковых и эскадренных батюшек.

– Вот тебе и «ну-ну», – спокойно ответил я. – Не люблю я этого выпендрежа. Все верят в Господа, а ты в это чучело?

– Дело не в статуэтке. Дело в свободе сознания. Но это я тебе как-нибудь потом объясню. Сейчас же мне необходимо познакомить тебя с моей командой. Точнее, с частью ребят ты уже познакомился, а теперь я представлю тебя костяку. Твое освобождение мы спланировали вместе, да и в самом деле участвовал не только я.

– Чай будем пить?

– Если хочешь.

– В такой обстановке точно не буду. Да и чай у вас, наверняка, басурманский. Вообще рискуете вы все очень сильно. Думаете, голографическая маскировка спасет вас от инспектора? Да она сканируется на раз.

– Конечно. На то и расчет.

– В каком смысле? – озадаченно глянул я на него.

– Да в самом прямом. Настоящей маскировки ты еще не видел. И, я тебя уверяю, сканером ее не пронять. Стена с голографической ширмой и эта комната как раз для отвода глаз. Каждый предмет тут, понятное дело, является нару-

шением юридического спирит-блока, и если инспекция сюда попадет, то все они будут уверены, что именно эту келью мы и замаскировали. Оштрафуют. Директора, может, даже посадят, за это он столько и получает. Но зато больше ничего искать не станут. Улик и так выше крыши.

– Ты хочешь сказать, – насторожился я, – что вы прячете нечто более серьезное? Да куда уж серьезнее, чем этот идол?

– Вот и инспектора так подумают.

– Да иди ты! Пойду я лучше сдаваться. Так мне лет семь припечатают, а что у вас еще припрятано, я понятия не имею. Может, оно тянет на больший срок? Или вовсе на смертную казнь? Спасибо, я в рай не спешу. К тому же на том свете, сам знаешь, никаких гарантий. С тобой еще пару минут побеседовать, так, может, потом целую вечность придется в котлах вариться и вилами в бок от чертей получать.

Я завелся, но сам понимал несерьезность таких заявлений. Во-первых, сдаваться мне, действительно, расхотелось. Во-вторых... Во-вторых, мной овладело любопытство.

– Я тебя не держу, – усмехнулся Щегол.

– Даже после того, что я увидел?

– Ты и представить не в состоянии, какие это мелочи.

– Вот как?

– Вне всяких сомнений. Можешь идти. И меня несколько не волнует, что ты расскажешь в полиции об этом месте.

– Ты один тут такой трехнутый или вся команда тебе под стать?

- Если глядеть с твоей точки зрения, то, наверное, все.
- Замечательно. И ты предлагаешь мне работать на вас?
- Нет. – Лицо Альберта расплылось в широкой улыбке. –

Я предлагаю тебе стать одним из нас.

– Сколько же раз мне надо удариться головой об стену, чтобы пройти ваш тест на трехнотость?

– Удивишься, но ты его уже прошел. Иначе тебя бы тут не было. Само преступление, в котором ты обвинен, является доказательством твоего несогласия с окружающим обществом.

– Дудки, – помотал я головой. – Это не доказательство, а обстоятельства. Просто так получилось.

– Ну уж нет. У каждого следствия, дорогой мой, есть, как минимум, две причины. Хочешь ты того или нет.

– Например?

– Ну вот, к примеру, ты здесь. Это следствие. Первая его причина в том, что ты отпустил с миром попавшую в беду девушку. Фактически – спас ее. Вторая же причина в том, что ты нам нужен.

– Для меня вопрос несколько в другом, – нахмурился я. – Нужны ли вы мне?

– И это тоже. Но для ответа на него у тебя не хватает данных.

– Пожалуй.

– Вот поэтому я предлагаю тебе дополнительную инфор-

мацию. Знакомство с нами и с тем, чем мы занимаемся. Повторюсь, что ты ничего при этом не теряешь. На каторгу вернуться всегда успеешь.

– Хорошо. Валяй.

И тут произошло нечто настолько странное, что у меня голова закружилась от нереальности. Дворжек поднял к лицу левую руку с закрепленным на ней обычным коммуникатором, пробежал пальцем по экрану и... В воздухе сама собой прорисовалась огромная, на всю комнату пентаграмма – пятиконечная звезда, заключенная в круг. Конечно, первая моя мысль снова была о голограмме, но она тут же развеялась без следа, поскольку линии пентаграммы вспыхнули самым настоящим огнем. Не нарисованным, а жарким пламенем, от которого затрещал воздух и чуть опалило лицо. Я рефлекторно отшатнулся, но пламя продержалось не больше пары секунд. Само пространство вокруг нас странным образом изменилось – стены и пол сделались зыбкими, полупрозрачными, а воздух, напротив, обрел угрожающую плотность. Тело само собой, помимо воли, затаило дыхание, но уже через миг мир провалился в непроницаемую всеобъемлющую черноту, в которой разум не мог определить ни направлений, ни расстояний. Еще через миг по глазам ударил яркий свет, и мы с Альбертом оказались в шикарном, до нереальности чистом, украшенном картинами коридоре. У меня не осталось ощущения перемещения, пространство как бы просто сменилось одно на другое – то был ангар, а теперь коридор двор-

ца. Воздух тут был намного теплее, чем в ангаре. На полу, где мы стояли, черными линиями была прорисована пентаграмма диаметром метра три.

– Добро пожаловать в офис, – усмехнулся Дворжек.

– Ничего себе... – Я вытер со лба испарину. – Понятно, почему у тебя с головой непорядок. Если каждый день попадать на работу таким вот образом...

– Дело привычки. Пойдем.

Коридор вывел нас в просторный холл, посреди которого располагался фонтан. Струя била из пасти прыгнувшего над водой бассейна и зависшего в воздухе металлического дельфина, а сама круглая чаша тонула в зелени живых тропических растений. Пальмы, лианы, диковинные деревья с цветами орхидей на ветвях. Крошечные птицы яркими точками порхали среди крупных мясистых листьев и ароматных соцветий. Вокруг фонтана располагались низкие круглые столики и шезлонги.

– Только не говори мне, что это рай, – пробормотал я.

– Я же сказал – это офис.

В одном из шезлонгов откинулась на спинку красивая брюнетка в купальнике из перламутрового акриола. В другом, напротив, попивала яркий коктейль миниатюрная рыженькая девушка в легкой сорочке и шортах, а за столиком чуть в стороне беседовали трое мужчин.

– Рад вас видеть! – воскликнул один из них, увидев меня.

Он поднялся из шезлонга и сделал несколько шагов нам

навстречу. Он был высоким, тощим и жилистым. Пестрая рубашка из легкого шелкоида сидела на нем, словно с чужого плеча. Как многие люди выше среднего роста, он немного сутулился, но лицо его сияло от удовольствия.

– Здравствуйте, – чуть поклонился я.

– Это Глеб, – представил его Дворжек. – А это наш brave винд-трупер Егор Сморода.

– Очень приятно.

Мы с Глебом пожали друг другу руки.

– Желаете выпить? – Глеб указал рукой на столик между девушками и мужчинами.

– Не знаю, – честно ответил я. – И без того голова идет кругом.

– Это от впечатлений. Думаю, легкий коктейль не повредит. Кира, будь любезна, поухаживай за гостем.

Брюнетка улыбнулась, поднялась из шезлонга и поступью пантеры направилась к бару, сверкающему стеклом и разноцветьем бутылок.

«Чтоб мне так жить...» – подумал я.

Опустившись в предложенный Глебом шезлонг, я глянул на сидящих рядом мужчин. Дворжек уселся рядом и с блаженным видом вытянул ноги.

– Вам в аэрокостюмах не жарко? – спросила рыженькая.

– Чуть передохнем и переоденемся, – ответил Альберт. – Ну что, Егор, знакомься с остальными. Это наше верховное руководство. Можно сказать, генералитет.

– Включая женщин?

– А у тебя есть возражения? – с легким вызовом глянула на меня рыженькая.

– Не мне тут решать, – безразлично пожал я плечами.

– Это Рита. – Дворжек бросил строгий взгляд в ее сторону. – Коктейль тебе делает Кира. С Глебом ты познакомился, а это Виталий и Николай.

Николай был примерно моей комплекции, да и телом владел неплохо, я сразу заметил это даже по мелким движениям. Взгляд у него был тяжелым, это мне не понравилось. Виталий же, напротив, был лишь немногим ниже Глеба, но пошире его в плечах, да и вообще более собранный, я бы сказал, спортивный. У всех, за исключением Альберта и девушек, волосы были стрижены коротко, под ежик.

– Очень приятно. – Я снова отвесил короткий поклон.

На мой взгляд обстановка была несколько напряженной. И мои новые знакомые не знали, видимо, как общаться с появившимся в их общество винд-трупером, да и я не чувствовал себя, что называется, в своей тарелке. Кира принесла коктейль – ярко-синюю жидкость в узком тонкостенном стакане. Я отхлебнул. Напиток был крепче, чем я ожидал, и, честно говоря, от этого мне стало значительно легче. В памяти промелькнул весь прошедший день, с утра, когда меня вывели из камеры на трибунал, и до сего момента. Бывали у меня в жизни необычные дни, но этот, безусловно, взял бы приз на европейском конкурсе самых безумных.

– Как вам у нас? – спросил Виталий.

– Миленько, – ответил я, еще раз отхлебнув из стакана.

– Наверно, вы понимаете, – продолжил Николай, – что мы затратили некоторые усилия по вашему освобождению.

– Не могу сказать за это спасибо, – честно признался я. – Потому что пока совершенно не знаю, чем мне придется за эту любезность платить.

– И все же вы на свободе.

– Неправильная формулировка. Я не на свободе, а в бегах. Это, знаете ли, очень разные вещи.

Николай усмехнулся.

– Вы просто не понимаете, с чем столкнулись.

– Тут вы совершенно правы. – Трудно было с этим не согласиться. – Не буду скрывать, что ваш офис, а в особенности способ доставки в него, произвел на меня неизгладимое впечатление.

– Понравилась транспортная пентаграмма? – усмехнулся Глеб.

– Понравилась – не очень верное определение. Я в растерянности.

– Ничего, привыкайте, – сухо произнес Николай. – В любом случае, нам придется открыть перед вами карты. Не все, тут не обольщайтесь, но очень и очень многие.

Я снова отхлебнул, стараясь снять нарастающее напряжение. У меня холодок по спине пробежал, я вдруг ощутил себя на пороге чего-то, очень сильно из ряда вон выходящего,

хотя, надо признать, ощутил это поздноватое. Сказалась закаленная психика десантника. Любому нормальному человеку хватило бы одной пентаграммы, чтобы наглухо слететь с катушек. Но я как-то еще держался, хотя прихватывать начало всерьез.

– В любом случае, придется выслушать ваши предложения, – как можно спокойнее проговорил я. Но ощущение падения в кроличью нору только усилилось. Нет, коктейль определенно не был лишним.

– Глеб, давай-ка лучше ты, – прервал Николая Щегол.

– Не вижу препятствий, – тепло улыбнулся Глеб. – Скажем, так... Мы все представляем некую негосударственную организацию. Очень старую. Очень. Она была организована как государственная структура еще в середине двадцатого века. Потом, по политическим причинам, организацию как бы аннулировали. Издали специальный приказ и распустили. Но... Можно на ты?

– Да пожалуйста, – пожал я плечами.

– Понимаешь ли, Егор, мало кто из сотрудников организации тогда отошел от дел. Многие просто уволились из государственного аппарата, реорганизовали организацию, перевели ее с государственного на собственное, внутреннее финансирование. А работа продолжилась.

– Вы бы начали с того, чем занимаетесь, – посоветовал я.

– Одно вытекает из другого. Ты когда-нибудь сталкивался с проявлениями тонкого мира?

– Какого? – Я невольно поднял брови от удивления.

– Тонкого. Невидимого. С духами, призраками и прочим подобным.

– Вы серьезно? – Я обвел взглядом собравшихся.

– Вполне. – Глеб развел руками.

Я задумался. На этот вопрос трудно было ответить утвердительно, но и отрицательно тоже непросто. Случаются иногда труднообъяснимые вещи, слухи тоже ходят, но вот так, чтобы впрямую...

– Сам я ни с чем подобным не сталкивался.

– Смею утверждать, – усмехнулся Глеб, – что тебе это только кажется.

– Мне-то лучше знать... – попробовал возразить я.

– Ладно, сейчас не время для спора, – прервал его Альберт. – А ты тоже, Егор, прекращай выпускать шипы. Сейчас прими на веру то, что многое из необъяснимого, например, даже ухудшение настроения ни с того ни с его, является проявлением тонкого мира.

– Так можно что угодно к чему угодно за уши притянуть.

– Нет. У нас для таких неверующих неофитов имеется масса доказательств. И вскоре кое с чем мы тебя, безусловно, познакомим. А сейчас просто подумай, как ты здесь оказался. Вот в этом холле.

– Ты имеешь в виду пентаграмму? – осторожно спросил я.

– Да. Объяснение произошедшему ты сам не найдешь. Однако, если ты попытаешься выбраться отсюда самостоятельно-

но, то столкнешься с некоторыми трудностями.

– Какого порядка?

– Ну... Как бы тебе лучше объяснить... – В глазах Дворжека запрыгали веселые чертики. – Этот холл, а также все помещения офиса находятся под землей, на глубине двух километров, и отделены от поверхности слоем глухого, непроницаемого грунта. Нет ни лифтов, ни лестниц. Просто земля.

Я опешил. Не знаю уж, какое чувство мной овладело больше – облегчение или страх. Облегчение в связи с тем, что просканировать такое убежище, если Альберт говорит правду, у полиции нет никакой технической возможности. Но даже если просканируют, то немыслимо в сколь-нибудь короткий срок прокопать шахту на такую безумную глубину. Страх же... Да что тут объяснять! Представьте на моем месте себя!

– Мало того, – добавил Глеб. – Наш офис находится не под Сан-Петербургом, а под африканскими джунглями. Почти точно на экваторе. Довольно безопасное место.

Тут у меня уже окончательно челюсть отвисла. Если это правда хотя бы процентов на семьдесят, то мне надо срочно искать таблетки от сумасшествия. Коктейля тут, как ни крути, будет мало.

– А под океаном, для пущей гарантии, вы не могли офис себе оборудовать? – поинтересовался я шутки ради.

– Нет, – с виноватым видом ответил Глеб. – Дно океана заглублено на четыре километра, а у нас и так при постройке

убежища возникали трудности инженерного характера. Зато более безопасное место на Земле очень трудно найти.

– А попадаете вы сюда посредством телепортации... – сказал я.

– В какой-то мере, – кивнул Дворжек. – Хотя более правильным будет назвать этот способ перемещения «перезапись информации о локализации объекта на тонком уровне».

– А... – Я начал включаться в игру. – Да, наверное, этот термин действительно больше подходит.

– Несомненно, – ответил Глеб, словно не замечая моей иронии. – Но в тонкости маготехники я посвящу тебя чуть позже, если ты не против.

– В тонкости чего?

– Мэготехники. Так мы называем прикладное использование экзотических принципов. На самом деле ты вплотную подвел меня к ответу на твой вопрос. Чем мы занимаемся? Тремя вещами. Во-первых, изучением тонкого мира, тонких структур, а также взаимосвязей между ними. Во-вторых, созданием прикладных разработок на основе этих исследований. В-третьих, обеспечением безопасности граждан страны на тонком уровне.

– Сильно... – Я понять не мог, как на все это реагировать. – Какое вам дело до граждан, если вы негосударственная организация?

– Я же сказал, мы были когда-то государственной органи-

зацией, – напомнил Глеб. – Более того, мы являлись структурой Комитета Государственной Безопасности, его четырнадцатым отделом. И принципы нашей работы, в какой-то мере, унаследованы с тех стародавних времен. Нас тогда упразднили, но это вовсе не означает, что демонам, чертям и вампирам следовало дать волю и позволить им нападать на добропорядочных граждан. Причем за эти услуги, поверь, мы не берем ни копейки, как не берет с тебя денег полицейский, защитив от хулиганов на улице.

– Мило, конечно, с вашей стороны, – вздохнул я. – Но мне трудно всерьез говорить о чертях и демонах. Честно.

– Ты не веришь в чертей? – с нажимом спросил Николай.

Я невольно осекся. Просто по привычке. В принципе, верить в чертей я был обязан по закону. Вера в Бога предполагает и веру в дьявола.

– Ну... – Я почесал переносицу. – Верю, конечно... Но я воспринимал это, как символ зла. Как аллегория...

– Может, ты и Господа считаешь аллегорией? – сощурился Николай.

– Да идите вы! – не сдержался я. – Какого черта? Нашлись законопослушные граждане! Как раздолбать конвой, так это им не преступление, а на меня за чертей давай бочку катить!

– Успокойтесь... – Альберт устало поднял руки. – Хватит вам, правда. Смех в том, Егор, что существование Бога нами, если говорить всерьез, не доказано. В системе мироздания места ему пока не нашлось. А вот с чертями полный порядок.

Я тебе их покажу. И не один раз.

– С рогами и с копытами? – усмехнулся я.

– Это зависит о твоей системы интерпретации. Знаешь, даже если я сейчас из штанов выпрыгну, у меня не получится объяснить тебе все с ходу. На это потребуется некоторое время. Ты хотел услышать ответ на вопрос, чем мы занимаемся? Мы дали его тебе. И нечего задираться. И черти, и демоны, и духи, и колдуны, и маги – всё это настолько же реально, как стакан, который ты держишь в руке. Даже, если быть до конца точным, они чуть более реальны, чем этот стакан. Прими это пока за точку отсчета, а то мы и за неделю ни о чем не договоримся. Тебе придется принять за данное, что наша организация занимается изучением экзозифики и ее прикладным использованием. В первую очередь, для защиты граждан.

– А само понятие экзозифики можно развернуть?

– Можно. Экзозифика – это наука, изучающая природу вещей за пределами привычной реальности, данной нам в ощущениях обычных органов чувств. Для удобства эту часть реальности мы называем тонким миром. В отличие от плотного мира, который привыкли воспринимать твое тело и разум. Так пойдет?

– Ладно, годится...

На самом деле у меня, действительно, не было выбора. Мне или следовало принять всё, как говорят они, или... Или черт знает что! Или, наверное, попросить отправить меня

обратно. Но обратно я уже не хотел. Мысль о полной недоступности для российской полиции вызвала во мне новый приступ свободолюбия. Два километра глухого грунта над головой? Самое место для беглого каторжника! И тут меня осенило. Какого черта я пререкаюсь? Какая мне разница, чем эти ребята занимаются? Даже если вся эта контора – просто шайка конченных психов, хотя на психов они мало похожи, то что я теряю? Как ни крути, денег у них куры не клюют. И если я им нужен, они, по всей видимости, способны обеспечить мою свободу. Что же касается возможной опасности их предложений для жизни, то думать об этом виндтруперу, как минимум, глупо. Я и так занимался самой опасной в мире работой. Получалось, что на кого бы мне ни пришлось работать, если это не противоречит моим внутренним принципам, то все это будет лучше каторги. И не опаснее предыдущей службы. А моим внутренним принципам претило только якшаться с арабами. Арабов же тут не было, тут ими даже не пахло. Таким образом, я фактически принял решение о сотрудничестве, еще не представляя, во что ввязываюсь. Но оглашать это решение я не спешил. Следовало, по возможности, вытянуть из них как можно большее количество информации. Даже если информация являлась полным бредом, мне надо было вникнуть в структуру этого бреда. Даже если она была полной ложью, мне все равно необходимо вникнуть в нее.

– Что значит «годится»? – пристально глянул на меня

Дворжек.

– Годится определение, – улыбнулся я. – Не буду лукавить – мне все это кажется бредом.

– Ты тут не оригинален, – пробурчал Николай. – Все нефиты...

– Я не договорил! – пришлось его осадить. – Мне это кажется бредом, но я готов сознательно принять правила вашей игры. Мне не хочется возвращаться в кутузку. Это правда. В меня много раз стреляли, и это тоже правда. Бегать под выстрелами было моей работой. Вы знаете это не хуже меня. И в работе этой я преуспел, несмотря на ее опасность. Не думаю, что ваше предложение будет опаснее. Я согласен работать на вас, если это не станет пособничеством варварам.

– Вот это слова винд-трупера. – Лицо Альберта расплылось в широкой улыбке.

– Вы подловили меня не в лучшей ситуации. Но, надо отдать вам должное, выручили. Из корыстных побуждений, у меня на этот счет нет иллюзий. Но все же, с моей точки зрения, вы вытащили мою задницу из пекла. А долг платежом красен.

– Тогда добро пожаловать в Институт Прикладной Экзофизики. – Альберт встал и пожал мне руку. – Можно теперь всех представить по-новому. Я начальник Института.

– Почему не директор? – спросил я.

– Потому что у нас военизированная организация. Глеб – командир Питерской ячейки. Николай – начальник опера-

тивного отдела. Виталий – начальник отдела внутренней безопасности. Кира – начальник отдела научных изысканий и внедрения разработок. Рита – начальник отдела финансирования.

– А меня ты тоже назначишь начальником?

– Нет, Егор. До начальника тебе, если захочешь, придется дослуживаться. Но и рядовым не будешь.

– Рядовым бы я не пошел. Это унижительно для офицера.

– Понимаю, – в глазах Альберта снова запрыгали веселые чертики. – Дело в том, что рядовых у нас попросту нет. Как понятия. Каждый сотрудник Института является боевой единицей самой по себе. И, в связи с усложнением обстановки, нам нужен профессионал, прошедший школу боевых действий. Мы долго не могли найти такого человека. Так что ты ценный сотрудник, Егор, по этому поводу можешь расслабиться.

– А обязанности?

– Все просто, – с улыбкой пояснил Альберт. – Ты будешь находиться в прямом подчинении у Николая. Приказы тебе сможет отдавать только он или я.

– Никогда еще у меня не было так мало начальства, – не удержался я от улыбки. – Если Николая считать генералом, то я, выходит, буду специалистом третьего ранга?

– Именно так. Но у нас не принята система званий, имеющих место в нынешних вооруженных силах. Мы пользуемся той табелью о рангах, какая существовала в России в кон-

це двадцатого – начале двадцать первого века. Такие вот мы ретрограды. Но это традиция. Исходя из этого, твое звание будет майор.

– В переводе с английского «старший»... – оценил я. – Годится. А подчиненные у меня будут?

– Может, тебе еще и служанку назначить? – усмехнулся Николай.

– Понятно. Боевая единица сама по себе. Ладно, замечано.

– Ну и замечательно, – с облегчением выдохнул Альберт. – Пока за все время существования Института ты поставил рекорд по легкости вербовки.

– Вы бы мне еще генеральское звание предложили и удивлялись потом, что я согласился. Из унтер-мастера в специалисты третьего ранга...

– Кстати, – подала голос Рита, – в моей компетенции озвучить сумму твоего денежного довольствия. Она составит восемь тысяч рублей чистыми. Плюс к тому пятьсот рублей за успешное выполнение каждого текущего задания. В случае надобности выполнения особого задания, сумма премиальных оговаривается отдельно.

«Ни фиги себе...» – мысленно присвистнул я.

Это было, как минимум, вчетверо больше моих доходов на прежней службе и вдвое больше того, что получали на флоте специалисты третьего ранга.

– Ладно... – как можно безразличнее ответил я. – Договорились.

– Завтра Николай и его подчиненные введут тебя в курс дела, касательно будущих обязанностей, – добавил Альберт. – Но к их выполнению ты приступишь не сразу. Любая переквалификация требует дополнительных тренировок.

– Да пожалуйста. Жалованье-то будет идти?

– Конечно, – улыбнулась Кира.

– Ну и все. Я бы сейчас отдохнул с дороги, если это возможно.

– Конечно... – Лицо Альберта сделалось настолько серьезным, что я невольно напрягся. – Но по традиции окончанием вербовки является предупреждение, которое с некоторых пор я лично делаю каждому новичку. Твой утвердительный ответ является основанием для выдачи тебе текста Присяги. Отрицательный... Ты уходишь.

– Кхе... – У меня запершило в горле. – Валяй.

– Предупреждение следующего характера. – Тон Альберта сделался до крайности официальным: – Согласен ли ты рисковать при выполнении заданий не только бранным телом, но и бессмертной душой?

– Это серьезно? – удивился я.

– Более чем, – хмуро кивнул Глеб.

Как-то было странно мне отвечать на подобный вопрос. Но раз уж я ввязался в эту круговерть...

– Да, согласен.

– Отлично. Вечером Глеб выдаст тебе текст Присяги. А

сейчас отдыхай. Рита покажет тебе комнату для жилья, удобства и прочее.

– А в бассейне купаться можно? – решил я изобразить идиота.

– Не в этом, – поморщился Глеб. – У нас тут развитая инфраструктура. Рита, проводи Егора, хватит лентяйничать.

Глава 4

Новый дом

Инфраструктура офиса, или – как его называли хозяева – Базы, была не просто развитой, а представляла собой небольшой городок с коридорами и ответвлениями улиц, с прекрасным спортивным залом, с бассейном, сауной, зимним садом, лабораториями, тиром, с технической зоной и эллингами для самых разных средств передвижения, включая небольшой винд-шип – яхту примерно двадцати тонн нагрузки на поле.

– Сколько вы это рыли? – спросил я у Риты, которая выступила в качестве гида.

– Не так долго, как ты думаешь.

– А грунт куда дели?

Она улыбнулась и ответила:

– Никуда. Он тут и остался.

– В смысле? – напрягся я.

– В самом прямом. Сразу ты в это не врубишься, голова лопнет, но в общих чертах скажу так. Еще в семидесятые годы двадцатого века была разработана технология, по которой любой физический предмет, в том числе и грунт, может быть переведен в другое состояние. Скажем так... Ты привык к тому, что физические объекты состоят из барионов,

то есть из тяжелых частиц – нейтронов, протонов, электронов и их составляющих. На самом деле это не совсем так. Просто реальность, данная нам в ощущениях, фиксируется нами именно в барионном состоянии. Но есть и другое – лептонное. Оно тоже фиксируется, но чуть иначе. Оба эти состояния равноправны. Вселенная одновременно находится в обоих – и в барионном, и в лептонном. Еще точнее... Скажем так, и прими это пока как аксиому, избавив меня тем самым от доказательств, которые скоро посыпятся на тебя потоком: барионное и лептонное состояние окружающего пространства – всего лишь два уровня интерпретации реального физического мира, который напрямую воспринимать очень сложно. Сложность восприятия заставляет наше сознание заниматься интерпретацией, как бы построением иллюзии, оперировать которой нам куда проще, чем истиной. В результате то, что мы привыкли чувствовать вокруг себя – одна иллюзия. А то, что мы можем чувствовать при определенных условиях – другой уровень интерпретации. Тоже иллюзия. Информация же одна, понимаешь?

– Не совсем, – признался я.

– Одна, одна, – улыбнулась Рита. – Это, как изображение на экране. Оно имеет и видимый спектр, и невидимый. Видимый мы воспринимаем естественно, а для восприятия, например, электромагнитного излучения, нужен прибор, который переведет нам этот уровень в нечто зримое, например, в отклонение стрелки.

– Так... – Я помотал головой. – А грунт-то где?

Рита глянула на меня с жалостью.

– Н-да... Офицер... Я же сказала, грунт где был, там и остался. Просто в одних местах, там где стены, ты его воспринимаешь, а в других, где что-то вроде полости, не воспринимаешь. Точнее, не обращаешь на него внимания.

– Хорошенькое дельце, не обращать внимания на грунт. Ладно, допустим... И чем вы это... Ну...

– Изменили состояние?

– Да.

– Лептонным конвертером.

– А... – вздохнул я, сообразив, что попусту трачу время. – Понятно.

– Черта с два тебе что-нибудь понятно. Ничего, скоро все сам увидишь.

Она провела меня через сеть коридоров.

– Тут у нас жилой модуль. Квартиры, если простым языком, плюс кухня, столовая, кают-компания. Постепенно разберешься. Вот здесь ты будешь жить. – Она показала мне на одну из дверей в коридоре и выдала пластину ключа. – Обживайся.

– А с одеждой что? Не могу же я и дальше оставаться в аэрокостюме.

– Не волнуйся, мы подготовились. Кое-что из одежды найдешь в комнате. А на свой выбор возьмешь, когда будешь в городе. Мы неслучайно устроили Базу именно тут. Сан-Пе-

тербург отсюда на расстоянии одного «хлопа».

– На расстоянии чего? – поморщился я.

– Всё, забей. – Рита рассмеялась и помотала головой. –
Иначе мы так до ночи не расстанемся.

Вообще-то, я был бы не против задержаться с ней до ночи, а еще лучше до утра. Девушка была вполне в моем вкусе, только очень уж бодрая, явно ее толком никто не обламывал. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Я помахал Рите рукой и повел ключом перед датчиком замка. Дверь пшикнула и отскочила в сторону, впустив меня в достаточно просторное помещение. Кроме двух комнат там имелся крошечный кухонный блок, чтобы можно было наскоро перекусить или выпить, душевая кабина, санузел, лучевая сушилка и гардероб-кладовка. В общаге я таких удобств, понятное дело, не видывал.

– Хоть девушек сюда приглашай, – усмехнулся я.

Но задержавшуюся в голове мыслишку пришлось прогнать и заняться осмотром подведомственной мне теперь территории. Мебель мне понравилась, особенно кровать, которую одним нажатием кнопки можно было поднять, убрав в стену. В разложенном же состоянии она имела площадь, достаточную для любого мыслимого непотребства. В гардеробе я перебрал несколько вариантов одежды, но в связи с чуть более высокой, чем привычная для меня, температурой воздуха остановился на черной майке и такого же цвета широких коттоновых шортах. К ним вполне подошли модные

сандалеты со стержневыми «магнитками» вместо обычных вакуумных застежек. Народ тут не скупился ни в чем, что порадовало.

Медиа-центр в комнате тоже был класса «люкс» – с усилителем такой мощности можно слушать музыку животом, а не ушами. Просмотрев весьма обширную коллекцию кристаллов с и-операми, я уверенно выбрал модный, но еще не виденный мною «Огненный шторм» и повалился на кровать, уставившись в видеопространство между четырьмя генераторными стержнями.

Примерно через час, увлекшись разворачивающимся действием, я с трудом различил сквозь грохот звуковых мембран зуммер дверного звонка. Пришлось снизить громкость и открыть дверь. На пороге стоял Глеб, расслабленный и спокойный, словно у него нет и никогда не было ни малейших проблем. В руках он держал лист тончайшего пластика с прожженным на принтере текстом.

– Развлекаешься? – спросил он и шагнул в комнату, не удосужившись дожидаться моего приглашения.

– Другой команды не было, – пожал я плечами.

– Ну и правильно. Некоторые новички нервничают...

– Пока не увидел повода, – парировал я. – К тому же новичок новичку рознь. Тут я, может, и новичок, но вообще...

– Если говорить вообще, как ты выразился, то с улицы мы народ не набираем.

Мне понравилось, что удалось его зацепить. Терпеть не

могу, когда люди надувают щеки на ровном месте.

– А чего же они тогда нервничают? – подлил я масла в огонь.

Но Глеб меня раскусил и в дискуссию ввязываться не стал.

– Вот тебе текст Присяги, – сказал он.

– Это перед строем надо читать? – взял я листок.

– Нет. До таких формальностей мы не опускаемся. Все же не в детском интернате в войнушку играем.

– А-а-а... – с пониманием протянул я, вложив в это достаточную долю иронии.

– Просто ознакомься и подпиши. – Он протянул мне световое стило.

Я пробежал глазами текст и усмехнулся. Ничего более забавного видеть мне не приходилось:

«Я, Егор Сморода, вступая в ряды уполномоченных исполнителей Института Прикладной Экзофизики, торжественно клянусь быть честным, дисциплинированным, стойким, беспрекословно выполнять приказы начальства, а также чтить законодательство России, если это не противоречит выполнению текущего задания. Я клянусь, не щадя крови, жизни и бессмертия собственной души, защищать граждан России, быть верным товарищам по службе, отстаивать свою честь и достоинство. Если же я нарушу данную мной Присягу, да постигнет меня суровая кара Института, праведное презрение товарищей и укор собственной совести».

Я почесал переносицу и выжег световым стилем на листе свою подпись.

– Прекрасно. – Глеб взял у меня текст. – Через полчаса ужин. Столовая по коридору направо. Там есть указатели на стенах.

– Хорошо.

Я закрыл за ним дверь и задумался. Но, в принципе, жаловаться на развитие событий повода не было. Все сложилось даже лучше, чем могло. По крайней мере, на ужин подадут не баланду для каторжников.

Я выключил медиа-центр и выбрался в коридор. Вскоре, как и обещал Глеб, нашлись указатели, а по выданному ими направлению – и вход в столовую. Там уже собралось человек двадцать, за столиками сидели по четверо, причем генералитет во главе со Щеглом чуть поодаль от остальных. Меня поразило, что женщин, причем молодых, на ужин собралось немногим меньше, чем мужчин.

«Если хотя бы половина из них живет на Базе, – подумал я, – то это место службы точно имеет серьезное преимущество перед предыдущим».

Николай, увидев меня, махнул, мол, подойди.

– Твое место В-14, вон за тем столиком, – показал он мне.

– Намек на то, что я не в генералитете?

– И это тоже. А то после вербовки некоторые начинают чувствовать себя на очень короткой ноге с начальством.

– Мне это не грозит. Я военный. Хоть и бывший.

– И все же тебе придется войти в ритм обычных для Института порядков. Здесь у нас не винд-флот. Извини.

– Да ладно, это уж я точно переживу.

– Заодно пообщаешься с ребятами за столом.

– Это необходимо? – на всякий случай уточнил я.

– Да. С тобой будут сидеть те, с кем придется работать плечом к плечу. То есть те, кого мы отобрали для выполнения того же задания, что и тебя.

– Понятно.

Я покосился на столик, – за ним пока никого не было, – вразвалочку добрался до своего места, уселся и, не мешкая, принялся за закуски. Само наличие салатов и бутербродов с рыбой говорило о том, что голодать тут не придется. Стоял бы еще графинчик с чем-нибудь крепче предложенного морса, можно было бы и вовсе расслабиться.

Через несколько минут ко мне за столик подсел парень лет двадцати, моего роста, но куда более щуплый, с почти детским лицом. Пух на его верхней губе еще не изведal эпиляционного крема, темные волосы волнами спадали почти до плеч, а в прищуре темно-карих, почти черных глаз проглядывало то романтическое выражение, которое выдает стремление к совершению яркого подвига. Все равно, какого, все равно, под чьим флагом, лишь бы только ветер в лицо и поверженные враги штабелями. У меня когда-то тоже было такое, иначе я не попал бы в винд-флот.

– Привет, – негромко поздоровался парень. – Ты Егор

Сморода?

Глаза у него были чуть раскосые, что выдавало наличие азиатской крови – не то корейской, не то японской, а может, и монгольской, черт его разберет.

– Типа того, – кивнул я, дожевывая салат.

– А я Виктор Адеев. Для меня большая честь...

– Аппетит только не надо мне портить, – скривился я. – Что для тебя честь? Увидеть живого винд-трупера? Но я не обезьяна в зоопарке. Доступно?

– Извини.

– Ладно, расслабься. Виктор... Победитель, значит?

– Пока нет.

– Ясно. Больше вопросов у меня пока не имеется. Кушай салатик, в нем витамины.

Он опустил взгляд и налег на закуски. Похоже, я немного подпортил свой имидж в его глазах, но это, как ни крути, пойдет только на пользу. Терпеть не могу, когда такие ребята мне в рот заглядывают. Хотя... А что им еще делать?

Следующей к нам присоединилась девушка. Была она чуть постарше Вити, да и поопытнее, насколько я понял. Хотя с женщинами такое нередко бывает, даже когда дурочками прикидываются – все равно жизненный опыт оставляет у них больше нужных рефлексов, чем у мужчин. Им труднее выживать в нашем мужском мире, вот они и цепляются за него крепче. Причем эта, мне показалось, цену себе знала. Красавицей ее трудно было назвать, но симпатичная, фи-

гурка вполне себе – прятать нечего. Причем на демонстрацию чисто женских завулекул она силы не тратила – густые каштановые волосы подстригла накоротко, почти по-солдатски, оделась в майку «хаки» и в черные штаны со множеством карманов, ремешков и застежек. Краем глаза я отследил еще изящные спортивные сандалии, как некий штрих психотипа. Забавно. На каждом из ее тонких пальцев блестяло серебряное кольцо, даже большие пальцы были опоясаны витыми металлическими обручами.

– Анка, – коротко представилась она.

– Привет, – не поднимая глаз, ответил Витя.

«Девственник», – зафиксировал я для себя.

– Егор, – я широко улыбнулся и протянул руку. Она ответила пожатием с напускным безразличием, но ладонь у нее стала влажной. Уверен, что не только ладонь.

Ну, прямо детский интернат на выезде, честное слово. Похоже, тут должность уполномоченного исполнителя приравнивалась к общепринятой должности воспитателя или няньки. Хорошенькая команда, сказать нечего. Самое то – в войнушку на заливе играть с деревянными плазмоданами.

А вот мужчина, который подсел к нам последним, меня поразил. Это был именно мужчина, лет сорока на вид, худой, жилистый, стриженный так коротко, что мог бы и сбрить все с таким же успехом. Движения его были точны и спокойны, а во взгляде сквозила уверенность, которую обычно порождает безразличие к последствиям собственных действий.

– Дан, – представился он, молча придвинул тарелку с салатом и начал есть.

Я сглотнул. Этот тип не был похож ни на кого, с кем мне приходилось иметь дело. Я, честно говоря, растерялся. Какие условия могли породить столь сбалансированную натуру? Военный? Не похож. Нулевая агрессия. Ученый? Слишком хорошая физическая форма. Спортсмен? Слишком спокоен, у спортсменов такого уровня обычно перманентное эндорфинно-адреналиновое отравление. Загадка. Пожалуй, не считая транспортной пентаграммы, это было самое удивительное, что я увидел на Базе.

– Егор, – представился я, чуть запнувшись.

Дан дожевал, промокнул рот салфеткой, поднял на меня взгляд светло-серых глаз и молча кивнул.

Полненький парнишка в белых штанах и футболке, выполнявший тут обязанности официанта, прикатил на тележке горячее. Отварной картофель со свиной в подливке, с грибами и овощами. Недурно. Я на это дело налег, отодвинув мысли на второй план.

На десерт было подано мороженое с мармеладом.

– Сегодня какой-то праздник? – спросил я, обращаясь к Дану.

– Нет, – ровным голосом ответил тот. – Если ты о рационе питания, то он здесь всегда такой. С учетом высоких физических нагрузок в среде уполномоченных исполнителей. Это оправдано.

– Понятно, – ответил я.

После мороженого подали по бокалу красного вина и две большие кисти столового винограда на всех. Я давно так не заправлялся, так что начал слегка соловеть.

– А вы давно в Институте? – спросил я Дана, осененный догадкой.

– Двенадцать лет, – оправдал он ее. – И лучше на «ты».

Я представил, какие условия нужны для превращения Виктора в Дана за двенадцать лет, и моментально составил себе приблизительную картину того, что меня ждет на новой службе. Похоже, все могло оказаться куда серьезнее, чем я ожидал. А преобладание в столовой необстрелянных юнцов явно говорило о серьезности обстрелов – если они тут такие, что до возраста Дана доживали единицы, то картинка вполне логичная.

После ужина ко мне подошел Николай.

– Егор, есть дело, – сказал он. – Если ты закончил, пойдем.

Я промокнул губы салфеткой и потопал за ним, махнув на прощанье ребятам. Выбравшись из столовой, мы с Николаем направились по коридору.

– Надо перепрограммировать твой подкожный чип, – пояснил он.

– Ни фиги себе, – присвистнул я. – У вас есть соответствующее оборудование?

– А Щегол не говорил тебе о наших финансовых возможностях? Неужели сомневаешься в его словах?

– После такого ужина, пожалуй, нет.

Николай усмехнулся. Вскоре мы добрались до медицинского блока, отгороженного от коридора прозрачным тамбуром. На раздвижных дверях были нанесены два красных креста со змеями, обвивающими жезлы. Нас встретила очень симпатичная женщина лет тридцати в светло-зеленом медицинском комбинезоне.

– Ирочка, наш главный врач, – представил ее Николай. – Бывший, кстати, армейский медик-мастер.

– Очень приятно, – кивнул я, стараясь вложить в эту фразу чуть больше, чем просто вежливость.

Ирина задержала на мне взгляд темных глаз, и сердце у меня забилось быстрее положенного.

– Пойдем, Егор. – Она жестом указала вглубь блока, состоящего из куда большего, чем мне думалось, количества помещений.

– Я вас оставляю, – кивнул Николай.

– Не имею возражений, – пожал я плечами, скользнув взглядом по упругим ягодицам медик-мастера.

Мой новый начальник фыркнул, выставил руку, чтобы сработал датчик открывания дверей, и скрылся в коридоре.

– Кроме перепрограммирования чипа я проведу серию тестов, – сообщила Ирина. – Понятно, что ты в хорошей физической форме, но на каждого уполномоченного исполнителя должна быть составлена полная медицинская карта.

– Да пожалуйста.

Мы направились вглубь блока, чуть сбавляя шаг перед очередными герметичными дверями, чтобы они успевали открываться. Я косился по сторонам, фиксируя более или менее знакомое оборудование в каждом из помещений. Тут была великолепная роботизированная операционная, в которой, как мне показалось, можно без опаски делать пересадку сердца, к примеру. Над пятью операционными столами свесились кронштейны с осветительными прожекторами и сверкающие гофрированные щупальца хирургических роботов, в каждом из которых был закреплен режущий инструмент. По стенам располагалось оборудование для анестезии, жизнеобеспечения, регенерации тканей и интенсивной терапии.

«При таком подходе к лечению, – подумал я, – плазму в живот получить не так уж страшно. Тут и новый кишечник, пожалуй, можно запросто вырастить».

Потом мы попали в реанимационный блок, затем в терапевтическую палату на пару десятков мест, затем в травматологический модуль, затем, видимо, в инфекционный, разбитый на одноместные герметичные боксы. Чуть дальше располагался приличного размера бассейн с затопленной в нем сурдокамерой.

– Это для психологических тренировок, – сказала Ирина, отследив направление моего взгляда.

Мы свернули направо и оказались в неврологическом блоке, снабженном машиной голографического томографа и

установленном малопонятным для меня оборудованием.

– Сначала сюда. – Ирина указала на массивное кресло с карбоновым каркасом и многочисленными магнитными регулировками.

Перед ним возвышался куб точно такого же программатора, какие стоят в паспортных отделах полиции. Гайка в гайку.

Водрузившись в кресло, я с усмешкой произнес:

– Чувствую себя шестнадцатилетним подростком! – И вытянул левую руку.

Ирина закрепила запястье обручем и активировала карточный блок сканнера, который медленно пополз от моей кисти к локтю.

– Добро пожаловать в новую жизнь, – через минуту усмехнулась она. – Имя мы тебе менять не стали, это бессмысленно, поскольку полицейские скан-анализаторы производят идентификацию по номеру чипа, а не по имени. К тому же, смена имени несет несколько отрицательных аспектов, от психологических, до вопросов удобства. Итак, теперь ты Егор Сморода, но не винд-трупер Российского Имперского Флота, а менеджер сети аптек «Серафим». Кроме тебя в городе на настоящий момент зарегистрировано семьдесят Егоров с такой же фамилией. Нет... – она глянула на монитор программатора. – Уже семьдесят один. Сегодня еще один твой тезка получил регистрацию, а данные только что упали в информационный банк.

– Вы подключены к полицейскому банку? – оторопело спросил я. – Они что, собственную сеть не контролируют по количеству хостов?

– Мы подключены не как хост. Боюсь, что любой специалист-кибернетик умом тронется, если узнает, как мы это сделали.

– А... – догадался я. – Штучка вроде транспортной пентаграммы?

– Ты начинаешь погружаться в реалии новой жизни. Молодец. Крепкая психика. Она тебе тут понадобится в полном объеме. Кстати, сейчас мы займемся обрисовкой пределов твоих возможностей, если не возражаешь. Придется пройти несколько тестов.

– Да пожалуйста... – Я чуть сощурился и скользнул взглядом по ее затянутым в комбинезон ногам. – А вы будете проверять пределы всех возможностей?

Она поймала мой взгляд, и на ее губах тоже мелькнула тень улыбки.

– Если ты имеешь в виду проверку сексуальных возможностей, то с нее, наверное, лучше начать, – заявила Ирина, глядя мне прямо в глаза. – В противном случае, все остальные приборы зашкалит. От тебя просто воздух трещит.

Мы не стали больше болтать, а сразу приступили к первому тесту. Чуть утомившись, перешли к другим, время от времени возвращаясь к первому, и часика через три полная медицинская карта уполномоченного исполнителя Егора Смо-

роды была, с грехом пополам, составлена. Мы с Ириной при-
тащили на кромку бассейна с сурдокамерой две кушетки,
сдвинули их и еще немного повалялись.

– Начало службы меня вполне устраивает, – заявил я.

– Не обольщайся, – ответила Ирина, глядя на блеск воды
в лучах осветителей. – Даже будучи только врачом, я иногда
жалею, что ввязалась в эту круговерть с Институтом.

– Доктору-то о чем жалеть? – удивился я.

– Ты бы видел, в каком состоянии иногда привозят аген-
тов и исполнителей... В армейском госпитале мне такое и в
кошмарах не снилось.

– Бред... – Я обнял ее за шею и посмотрел прямо в гла-
за. – Ир, этого быть не может. Ты хочешь сказать, что ваши
агенты и исполнители на заданиях в городе получают физи-
ческие повреждения, которые, с точки зрения медик-масте-
ра, страшнее боевых ранений?

– Да. И нередко.

– Но почему никто ничего не знает? Нет, Ир, я верю, ве-
рю, не кривись! Просто хочу понять. Чтобы получить повре-
ждения, надо попасть в заварушку. Но о заварушке, случись
она в городе, моментально узнают все.

– Откуда?

– Что значит «откуда»? – поразился я. – А свидетели, а
полиция?

– Смешной ты...

– Да обхохочешься...

– Не обижайся. – Она потрепала меня по волосам. – Просто ты еще не влился в наши реалии.

– Ну так помогай.

– Дело в том, что никаких свидетелей нет и быть не может. Ни обывателей, ни полиции.

– Не понял... – с интересом протянул я.

– Ты разве не заметил, сколько свидетелей было при нападении на патруль, когда тебя освобождали сегодня?

– Нисколько, – тихо ответил я.

– Вот именно! – Ирина с торжеством подняла вверх указательный палец. – И так всегда.

– Что значит всегда?

– Мы умеем изменять статистические вероятности событий в нужную нам сторону. То есть любое более или менее вероятное событие мы можем сделать вероятным на сто процентов, если оно нам необходимо, или невероятным вообще, если не хотим такого исхода.

– Ты серьезно? – удивился я.

– Да. Это нечто вроде вероятностного щита. Если нам не нужны свидетели, их не будет. События сложатся так, что всем в это время надо будет находиться в других местах или смотреть в другую сторону.

– И как вы это делаете? Волшебной палочкой? – Я не сдержал усмешки.

– Нет. Специальным прибором. Потом увидишь. Он тут, на Базе. Но, поверь, изменение статистических вероятностей

– не самый крутой фокус. Нам подвластны и куда более серьезные возможности воздействия на реальность.

– Колдовство, – заключил я.

– Пару тысяч лет назад нашу деятельность так бы и назвали. Хотя, если уж совсем точно, то мы занимаемся антиколдовством.

– Анти?

– Ну да, – спокойно кивнула Ирина. – Мы боремся с колдунами, вампирами, духами, демонами, оборотнями и прочей нечистью. Однако, чтобы бороться с порождениями тонкого мира, нам приходится самим в нем оперировать. Иначе не выйдет. Вот мы и научились.

– По методике ваших противников?

– Не совсем. Еще в семидесятые годы двадцатого века началось изучение тонкого мира научными методами. Мы продолжаем и развиваем тему.

– За это время до многого можно было докопаться, – проронил я, не сильно скрывая иронию.

Ирина мне показалась поначалу самым нормальным человеком на Базе. Но теперь я сомневался в верности своей оценки.

– Мы и докопались до многого, – заявила она. – Особенно, с учетом того, что в начале двадцать первого века во главе Института стоял Сергей Дворжек – предок нашего Альберта. И с тех пор фамилия руководителя не менялась ни разу.

– Ни фига себе монархия... – не удержавшись, присвист-

нул я.

– Скорее династия, – поправила меня Ирина. – Хотя очень уж демократичной нашу структуру назвать нельзя. Она создана на военный манер, и в ее основе лежит принцип единоначалия и строгой иерархии.

– Это я заметил за ужином.

– Зря обижаешься, – вздохнула она. – Многие из наших законов на самом деле написаны кровью. Я-то это знаю, можешь поверить.

Во что-то поверить тут было сложно. Но я уже чувствовал, что доказательства реальности самого жуткого бреда не заставят себя долго ждать. Не могли же населять Базу одни сумасшедшие! А транспортная пентаграмма? А сама База, упрятанная на двухкилометровой глубине под землей? Конечно, на самом деле База могла находиться в каком-нибудь подземелье Сан-Петербурга. Но... Слишком уж она огромна, чтобы остаться незамеченной в черте города. Да и слишком спокойны тут все. С учетом того, что меня сейчас по всему городу ищут и уж все подземелья точно прочесывают. А если предположить, что возможна телепортация под землю с помощью огненного знака, то почему бы не предположить и возможность изменения статистических вероятностей? Тем более что свидетелей моего освобождения и впрямь не наблюдалось.

Мы повалились еще немного, после чего Ирина сказала:

– Надо заканчивать медицинские процедуры. У нас хоть

и ненормированный рабочий день, но за разумные пределы никто не выходит. К тому же сегодня я что-то подустала, а надо сделать еще одно важное дело.

– Какое? – спросил я, блаженно вытянувшись на кушетке.

– Лицо тебе необходимо немного подправить. Ну и вообще – тело. Чип чипом, но ты единственный в городе Егор Сморода с обожженным лицом и богатырским телосложением. Вполне возможно, что, не обнаружив тебя нигде, полицейский департамент разошлет в розыск не только параметры твоего чипа, но и внешние приметы, а также биометрические показатели. А когда поймают, будут уже разбираться.

– Тьфу на вас! – без особой тревоги за свое будущее ответил я. – Телосложение только портить не надо.

– Не буду, – рассмеялась Ирина. – У меня рука не поднимется.

Еще часа полтора она возилась с моей внешностью и преуспела в том, перед чем бессильны оказались полковые медик-мастера всех рангов – склератическая ткань ожогов на моей физиономии сменилась нормальной кожей. Хотя в рекламе кремов снимайся. Потом Ирина при помощи лазера и наноскопа минут пятнадцать меняла структуру сетчатки моего глаза и перепайвала микрососуды глазного дна. А когда и с этим успешно справилась, нанесла мне на кожу ладоней толстый слой довольно едкой мази.

– Посиди пять минут, – сказала моя новая знакомая. – Это наномазь на основе ДНК. Пусть впитается.

– Щиплет! – пожаловался я.

– Потерпишь. Зато несколько миллионов нанороботов сейчас внедрятся в структуру кожи и начнут перестраивать клетки так, чтобы они образовали новые папиллярные линии. Тебе не мешает сменить отпечатки пальцев.

– И скоро они сменятся?

– До неузнаваемости через три дня.

– Круто! – оценил я.

Щегол был прав – финансовую мощь этой организации ни с первого, ни со второго взгляда оценить невозможно. Но тогда возникает вопрос – на чем они зарабатывают? Вопрос был интересным, но пока меня больше волновали вопросы, связанные с моим будущим.

Когда мазь полностью впиталась, мы оделись, и Ирина проводила меня до выхода из медицинского блока.

– Заходи, если что, – с улыбкой предложила она.

– Заскочу непременно, – улыбнулся я в ответ. – Не знаешь, сильно меня тут будут напрягать первое время?

– Как раз первое время сильно. Будут вбивать в здешний ритм. И уж парочку бессонных ночей, начиная с этой, я тебе гарантирую.

– Это ничего, – подмигнул я ей. – В камере перед судом удалось отменно выспаться.

Я добрался до своего жилого блока и с наслаждением разлегся на диване. Не представляя, что меня ждет, я начал получать удовольствие не только от эйфории свободы, но и от

того, что могло ждать впереди. Да и знакомство с Ириной вспоминалось с теплом. В общем, все шло куда лучше, чем если бы я оказался на каторге.

Глава 5

Тренировка

Ирина не обманула. Подняли меня в первую же ночь. Когда раздался настойчивый вызов дверного сигнала, я глянул на монитор – было два часа ночи с четвертью. Поскольку я не раздевался, то и в одевании не было необходимости, поэтому я поднялся с дивана и открыл дверь. За порогом стоял Николай.

– Пойдем, – сказал он без намека на предисловие. – Дело есть для тебя.

– Вы же говорили, что сначала будут тренировки... – сонно напомнил я.

– Боюсь тебя разочаровать, но имелась в виду тренировки не в спортзале и не в тире. Подобной подготовки у тебя, десантника, должно быть достаточно. Поэтому тренироваться будем на реальных задачах. Тебе в первую очередь надо подтянуть психику.

– Уж с чем, с чем, а с психикой у меня точно полный порядок.

– Посмотрим, – усмехнулся Николай. Все, хватит болтать!

– Форма одежды какая?

– Штурмовая, – весело сощурился мой новый начальник. – Шевелись давай, переоденемся перед «хлопом».

Мы спешно направились по коридору в еще незнакомую мне часть Базы. На ходу я вспомнил, что «хлопом» тут называется перемещение с помощью транспортной пентаграммы. Но куда? В город? Возможно.

Место, в которое мы попали минуты через три, больше всего напоминало элинг винд-шипа – огромный прямоугольный ангар с плоским потолком и створчатыми воротами на входе и на выходе. Через одни ворота мы попали внутрь, другие виднелись впереди, примерно метрах в ста. Но никакого винд-шипа в ангаре не было, зато там находились Виктор, Дан и Анка, с которыми я недавно ужинал за одним столиком.

– Все в сборе, – на ходу проронил Николай. – Живо переодеваться и в оружейку. Дан, покажи новенькому, что надо делать по тревожному расписанию.

– Есть, – без всяких эмоций ответил Дан. – Егор, держись рядом.

Мне было без разницы. К демократическим порядкам я не привык – подчиняться куда проще, чем думать самому. И командовать проще, чем взывать к здравому смыслу и уговаривать. Я одинаково хорошо умел делать и первое, и второе.

Мы трусцой рванули вдоль стены ангара и вскоре оказались среди стеллажей, на которых аккуратными стопками была разложена черная униформа и непонятное мне снаряжение.

– Это твоя ячейка. – Дан показал участок стеллажа с но-

мером восемнадцать. – Переодевайся.

Униформа оказалась странной. Ну, в принципе, ничего особо странного в ней не было, но вот на военную форму она походила мало. Черные штаны с набедренными карманами и ремешками для удобной затяжки и крепления снаряжения были еще ничего. Черная футболка, прилагавшаяся к ним, тоже в рамках привычного, а вот тонкий неокаровый свитер, хоть и был того же цвета, что и все остальное, но носил явный оттенок цивильности. Свитер! Не могли куртку в униформу включить? Но больше всего меня выбил из колеи плащ. Именно плащ! Цивильнее некуда. Тоже черный, длинный, ниже колен, из матового карбодиола. Ну и порядки тут! Увидели бы меня в этом плаще друзья винд-труперы из общаги, на смех бы подняли точно. Но Дан переоделся живо и без тени каких-то эмоций. Это меня остудило. Как ни крути, а мне было чему у него поучиться. Возможно, даже больше, чем я думал вначале.

В плаще я чувствовал себя неловко. Не привык я к такой длинной одежде! Ну как в такой десантироваться, к примеру, или драться, если придется? Ногу не задерешь! А противник может схватить за полу, и тогда даст прочихаться, как следует.

– Как себя чувствуешь? – спросил неожиданно возникший за спиной Николай.

– Отвратительно, – признался я. – Что за маскарадный костюм? Это, по-вашему, штурмовая униформа?

– Ты даже не представляешь, сколько времени мы ее разрабатывали, чтобы она наилучшим образом отвечала нашим задачам, – спокойно ответил он. – То, что ты себя в ней как-то не так ощущаешь, проблема не формы, а твоя собственная. Вот тебе и первая тренировка. Учись ощущать это, как вторую кожу.

– Есть, – ответил я, пытаюсь взять пример с Дана.

Но получилось все равно не так внушительно, как у него. Ладно. Я попытался развеять возникшее раздражение и осмотрел прилагавшееся к униформе снаряжение. В ячейке обнаружилась мини-гарнитура для связи и стильные солнцезащитные очки. Немного крупноватые с точки зрения последней моды, но, впрочем, это на любителя. В любом случае девушки будут в восторге.

– Гарнитуру сразу сунь в ухо, – сказал Дан. – Пользовался такой?

– Это гражданская, – скривился я. – У нас не горошины, а цилиндры. Но принцип понятен – микрофон и наушник, изящно выполненные в одном корпусе.

– Верно. Очки тоже надень.

Я сделал, как велено. Стекла тут же стали прозрачнее, чем были, согласно степени внутренней освещенности – сработал термодатчик на дужке, фиксирующий контакт с владельцем.

– Сейчас прозрачность в автоматическом режиме, – пояснил Дан. – Если не устраивает, задействуй сенсор на правой

дужке и выставь степень затемненности по вкусу.

Я попробовал. Получилось. В принципе, вещь полезная.

– На левой дужке сенсор инициации эфирного детектора, – продолжил Дан.

– Чего? – я с непониманием глянул на него.

– В очки вмонтировано устройство, позволяющее видеть сущности эфирного, то есть лептонного, происхождения. Духов, призраков, демонов, а также навесные лептонные элементы, отличающие вампира, к примеру, от обычного человека.

У меня по спине пробежал холодок. Не верить было глупо. Верить – жутковато. Очень уж сильно это выходило за рамки привычной реальности.

– Одно касание – активация детектора. – Дан коснулся левой дужки, на примере показывая, что надо делать.

Я повторил движение, и стекла очков в ту же секунду превратились изнутри в полупрозрачные мониторы. Только изображение на них представляло собой глухую зеленоватую пелену, испещренную элементами разной крупности, но более или менее правильной формы.

– Что это? – осторожно спросил я.

– Грунт, – спокойно ответил Дан. – Грунт, переведенный в лептонное состояние при помощи лептонных конверторов. Глазами ты его не видишь, органами чувств не ощущаешь, а в детектор прекрасно видишь и сам грунт, и включенные в него камушки. Понятно, что никаких духов на базе быть не

может – попади они сюда, сразу бы оказались замурованными в плотной лептонной массе.

Я решил пока не вдаваться в подробности. Но понимание того, что грунт, как и говорила Рита, никуда не делся, а пребывает тут в чуть измененном состоянии, признаюсь, пощекотало мне нервы.

– Духов ты увидишь наверху, – добавил Дан, еще сильнее выбивая меня из колеи.

Николай все же прав. Психологический тренинг в новых условиях мне не помешает. Потом Дан показал еще несколько встроенных в очки приборов, среди которых был активный лазерный дальномер, матричный бинокль и прибор ночного видения. Что ни говори, а конструкция была компактной и стильной по дизайну. В общем, очки мне понравились, что я и озвучил.

– На плащ ты тоже зря гонишь, – как бы между прочим обронил Дан. – Под внешним карбодиоловым покрытием скрывается тонкая омагниченная сетка, отражающая любой плазменный удар. А внешняя нанопленка, которую ты даже не видишь, держит удар ножа и спасает от укусов.

– От чего? – напрягся я.

– От укусов, – повторил Дан. – Например, от укусов вампира. Только воротник не забывай держать в поднятом состоянии, чтобы прикрыть шею. Эта же пленка, обработанная по лептонной технологии, спасает от пленков материализовавшихся демонов, слюна которых состоит из лептоплазмы,

меняющей барионное состояние вещества на лептонное.

Я даже мысленно не стал комментировать это заявление. К подобному моя психика точно не была готова.

– Ну, и последнее... – на закуску выдал Дан. – В ворот плаща вшит сенсор управления генератором вакуум-поля. Это уникальная разработка, недоступная никому за пределами Института. Так же, как лептонные технологии, изучением которых занимаемся только мы. Так вот – это поле искажает видимый свет таким образом, что он огибает твоё тело, а потом фотоны выходят на первоначальную траекторию. И со стороны ты становишься полностью невидимым. Абсолютно. Правда, и сам видеть не можешь, потому что свет не достигает твоих глаз. Для ориентации используется ультразвуковой локатор в очках, который по отраженному ультразвуку просчитывает форму окружающих объектов и выдает их на мониторы. Так ты будешь ориентироваться в режиме невидимости.

– Офигеть... – присвистнул я. – А в обычный штурмовой экзоскелет это нельзя было встроить?

– Нет. Генератор вакуум-поля расходует довольно много энергии. Её хватает примерно на десять минут невидимости. А нам ведь надо порою перемещаться по городу. Мы не правительственная организация, мы не можем прилюдно расхаживать в экзоскелетах. Поэтому приходится маскировать униформу под гражданскую одежду. И поверь, этот плащ куда удобнее твоей винд-труперской униформы.

– Пока не ощущаю, – признался я. – Но начинка впечатляет. Хотя как-то непривычно идти на задания голым, без экзоскелета.

– У нас тебе не однажды придется столкнуться с непривычными для тебя вещами, – заверил меня Дан.

Я настроил прозрачность стекол в очках на нужную величину. К этому времени закончил снаряжаться Виктор. Николай оценил готовность команды и приказал:

– Всё, теперь в оружейку.

Оружейная комната оказалась совсем рядом, чуть дальше от входа, чем стеллажи с униформой и снаряжением. Огромный сейф из вибрирующего вакуум-поля высотой в человеческий рост и шириной метров десять. За этой пеленой виднелись ложементы и шкафы с самым разным вооружением. Я мысленно присвистнул – такой огневой мощью можно было вооружить десантный полк, не то что нашу группу.

Николай набрал код на коммуникаторе, и поле растворилось, открыв доступ к оружию. Дан направился к ложементам и выдал каждому из нас стародревнюю пукалку примерно двухсотлетнего, на мою прикидку, возраста. Это были не плазмоганы, не лучеметы, а самые что ни на есть пулеметы, в прямом смысле этого слова. Такие использовались еще до начала войны с биотехами. Они снаряжались пулями – кусочками тяжелого металла, обычно – свинца, которые разгонялись в стальном стволе энергией воспламененного метательного заряда, после чего летели в цель. Чего угодно я

ожидал, любых наворотов, даже магический посох меня не удивил бы так, как подобная допотопщина.

– Может, нам тогда уж взять мушкеты? – не удержавшись, съязвил я.

– Ценю твое чувство юмора, – холодно обрезал меня Николай. – Но для решения вашей сегодняшней задачи это оружие подходит наилучшим образом.

– Неужели оно для чего-то вообще подходит? – Мне трудно было остановиться.

Николай лишь покосился на меня, но вступать в прения не стал. Пришлось повесить пулемет на плечо. У него для этого был предусмотрен ремень из какого-то текстильного материала. Штуковина была тяжелой, килограммов шесть весила, и на редкость неуклюжей с точки зрения эргономики. Я, может, еще поиздевался бы над этим устройством, которое и оружием-то назвать язык не поворачивался, но тут во мне проснулся офицер, знакомый с принципами приказов и единоначалия. Я мысленно выругался и сам себе порекомендовал, опять же мысленно, прикусить язык. Пусть сосунки, вроде Виктора, пререкаются. А винд-трупер обязан идти в бой с тем, чем его снарядили. Пусть это будет хоть булава образца одиннадцатого века от Рождества Христова.

– Хватит попусту время тратить, – сухо бросил нам Николай. – Давайте в «хлопушку». Дан старший группы. И не горите.

Дан кивнул и первым направился в дальний конец эллин-

га. Там на полу я заметил нарисованную пентаграмму.

– Куда хоть забрасываемся? – спросил я, имитируя бод-ро-сть в голосе.

– В Сестрорецк, – коротко ответил Дан. – Бывал там?

– Бывал, – выдохнул я.

Небольшой загородный форт Сестрорецк располагался черте-те где – почти в десяти километрах от городской стены в северо-западном направлении. Когда-то близость к Заливу сыграла с ним злую шутку – город был полностью уничтожен биотехами. Но перед Большим Нашествием варваров он был отстроен, а во время Нашествия оказался важным стратегическим пунктом и превратился в самостоятельный удаленный форт. Там располагался десантный гарнизон, бригада скоростных винд-эсминцев, а также тактическая станция противовоздушной обороны, состоящая из ракетно-лучевого полка и эскадрильи турбо-гравов.

Я там проходил стажировку после перевода в Сан-Петербург. Городок унылый, девушек мало, а те, что есть, как правило, уже при ком-то. Скукота, в общем. Кроме служебных обязанностей заняться нечем.

– Всё, готовимся к перебросу, – сказал Дан и набрал код на ручном коммуникаторе.

В воздухе возникла пылающая пентаграмма – точная копия нарисованной на полу. Николай помахал нам рукой, и тут же сознание у меня на миг выключилось, а когда включилось, мы всей группой оказались в каких-то развалинах в

весеннем лесу. Небо было ясным, звезды светили ярко, а на западе, над самыми макушками леса, сиял полный лунный диск. Так сиял, что предметы в округе отбрасывали густые, четко очерченные тени. Вспомнилась гравюра на стене закуска серф-станции. На ней тоже все было контрастное, черно-белое, и такое же стильное, как окружающий пейзаж.

– Всем активировать ночное видение, – приказал Дан.

Я коснулся сенсора на дужке очков, и видно стало еще лучше, чем прежде. В частности я разглядел на треснувшем композитном полу выбитую вручную пентаграмму.

– Сейчас нам предстоит марш-бросок в сторону Сестро-реца, – сказал Дан. – Это километров пять. Теперь попро-шу вникнуть в задачу. Всем, кроме Егора, уже приходилось иметь дело с демонами. Для новенького придется провести короткий ликбез.

– Что? – недовольно скривился я.

– Ликвидацию безграмотности.

Я это съел. А что еще оставалось делать?

– Демоном мы называем тонкую сущность, способную к воплощению, то есть к переходу из лептонного состояния в барионное и обратно.

– Если ты думаешь, что я что-то понял... – снова помор-щился я.

– Поймешь. Не вдаваясь в подробности, демон способен материализоваться, произвести действия в физическом ми-ре, а затем снова раствориться в лептонном пространстве.

К сожалению, миролюбивые демоны экзотической науке неизвестны. Все они – злобные хищники. Материализуясь, они нападают на жертву и пожирают ее, а потом, вместе с содержимым органов пищеварения переходят в лептонное состояние.

У меня мороз пробежал по коже. До меня постепенно начало доходить, что тут никто не шутит. Что это не способ взять новичка на испуг, а суровая правда жизни. Просто мне еще не приходилось с нею сталкиваться. А теперь придется. И я не был уверен, что всецело готов к такому перевороту в собственной жизни.

Воображение попробовало нарисовать демона со слов Дана, но я понял, что каким его ни представлю, действительность все равно будет иной. Но один вопрос я все же решил задать:

– Если это такое чудовище, то почему нам не выдали нормальное оружие?

– Плазма, в отличие от металлических пуль, не может быть переведена в лептонное состояние, – ответил Дан. – Плазмоган способен поразить демона только в материализованном состоянии. Но ожидать, пока тварь в него перейдет, слишком опасно. Потому что когда демон материализован, он довольно бодро себя чувствует. Настолько бодро, что не всякий стрелок не со всяким плазмоганом его остановит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.